

КАКЪ СЛУЖИЛИ МИРУ ПОДВИЖНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ?

(Историческая справка къ полемикѣ о монашествѣ).

*Буди ревнитель право живущимъ и силъ
житіе и дѣяніе пиши на сердцахъ своемъ.*

Изъ житія преп. Сергія.

Небольшая замѣтка писателя и публициста А. В. Круглова *На службу міру — на службу Богу* (Душеполезное Чтеніе 1902 г., октябрь) вызвала оживленную полемику о монашествѣ: по вопросам—о служеніи иноковъ міру, объ истинныхъ задачахъ монашества и о православномъ его идеалѣ. Такая полемика явленіе нечастое въ нашей, откровенно говоря, довольно таки вялой духовной журналистикѣ. Участіе въ полемикѣ ранѣе всѣхъ приняли монастырскіе иноки, потомъ представители такъ называемаго ученаго монашества и, разумѣется, потому, что поднятые вопросы близко касались и тѣхъ и другихъ, за ними профессора духовной академіи, священники; на споръ отозвалась и свѣтская пресса. Но „споръ славянъ между собою“ рѣдко отличается хладнокровіемъ, безпристрастіемъ, корректностью, а главное плодотворностью...

Мы рѣшаемся вставить свое слово не затѣмъ только, чтобы полемизировать. Хотимъ, чтобы споръ былъ поставленъ на почву исторіи и монашескихъ традицій и признаемъ такую постановку *единственно плодотворной*. Главная задача наша—навести *точную справку* по спорнымъ вопросамъ въ исторіи *древнерусскаго монашества*.

Справку приводимъ изъ исторіи нашего древняго монашества прежде всего потому, что оно, что бы о немъ ни говорилось, выставило изъ своей среды сонмъ преподобныхъ, длинный рядъ иноковъ, полнѣе другихъ осуществившихъ идеалы своего званія, такихъ иноковъ, которые основывали

славныя на всю Русь обители, при жизни руководили братіей поученіями и наставленіями, а еще больше высокимъ примѣромъ своего житія, иногда давали обителямъ свои уставы, преданія и завѣщанія. Мы обращаемся къ безспорнымъ и незыблемымъ авторитетамъ русскаго подвижничества; въ ихъ святой жизни, въ безхитростныхъ поученіяхъ и наставленіяхъ, въ строгихъ уставахъ своимъ обителямъ и преданіяхъ ученикамъ поищемъ нужныхъ намъ отвѣтовъ. Отсюда читатель и самъ увидитъ, какъ думали по обсуждаемымъ теперь вопросамъ древніе русскіе подвижники, какія брали они на себя задачи въ отношеніи къ міру и какъ умѣли совмѣщать это дѣло съ прямыми обязанностями инока. Увидитъ онъ, какіе уроки преподаютъ русскіе угодники и чудотворцы нашему теперешнему монашеству, смутно понимающему свои идеалы, задачи и обязанности, слабо дисциплинированному и дурно живущему. Но читатель жестоко бы ошибся, еслибы нижеслѣдующую справку принялъ за полную, всестороннюю историческую картину отношеній древне-русскаго монастыря къ міру въ разные періоды церковно-исторической жизни, картину со всѣми тѣнями и полутѣнями. Онъ ошибся бы приблизительно въ такой же степени, какъ еслибы сталъ судить о монашествѣ конца XVIII и нач. XIX в. по жизни Серафима Саровскаго, а о современномъ приходскомъ духовенствѣ нашемъ по примѣру о. Іоанна Кронштадскаго, ибо давно извѣстно: „мнози пойдуть къ иноческому житію, малы же яремъ его понесуть“. Мы беремъ только этихъ „малыхъ“, понесшихъ яремъ иноческаго житія, беремъ исключительныхъ иноковъ древней Руси, стараемся рисовать преимущественно свѣтлыя стороны картины.

Односторонни же мы сознательно, и не безъ цѣли. Никто, полагаемъ, не будетъ спорить, что въ стѣнахъ честной обители, основанной древнимъ подвижникомъ, гдѣ обыкновенно покоится теперь его „многострадальное и трудолюбное тѣло“, должна сохраняться живая традиція, идущая отъ лѣтъ древнихъ, отъ самого этого подвижника. Его житіе — естественный примѣръ для посильнаго подражанія каждому иноку даннаго монастыря; уставъ его, если таковой былъ и сохранился, обязательное руководство для всѣхъ, для строя монастыря въ цѣломъ; его заповѣди имѣютъ въ его обители

такую же силу, какъ заповѣди Божіи. Истинный монахъ найдеть здѣсь воплощенный идеаль свой. Не откажутся, мы думаемъ, признать завѣты древне-русскаго монашества и иноки не монастырскіе, „ученые монахи“... Своею справкой мы хотѣли бы въ памяти тѣхъ современныхъ иноковъ, которые взволнованы или заинтересованы настоящей полемикой, оживить эти традиции нашего лучшаго монашества, завѣщанныя знаменитѣйшимъ обителемъ русской земли, идущія отъ истинныхъ подвижниковъ, „право живущихъ“, хотѣли бы напомнить одну сторону этихъ преданій, которая и служить въ настоящее время предметомъ спора, — *завѣты служенія міру* ¹⁾. Если иноки, принявшіе близко къ сердцу дѣло защиты своего класса, своихъ идеаловъ хотятъ быть ревнителями *право живущихъ*, они должны, прежде всего, написать на сердцахъ своемъ житіе и дѣяніе ихъ. Монахи—они должны вести себя въ этомъ дѣлѣ помонашески. И, мы увѣрены, это дастъ имъ надежную точку опоры, избавить отъ ненужныхъ умствованій, отъ разсужденій совершенно лишннихъ, неумѣстныхъ, даже ошибочныхъ, — мы увѣрены, что это въ значительной степени упроститъ для нихъ рѣшеніе спорнаго теперь вопроса ²⁾.

I.

Древнѣйшее русское монашество — городское, общежительное. — Устроитель его преп. *Феодосій Печерскій*. — Служеніе преп. Феодосія міру: молитвой, учительствомъ и пастырствомъ, печалованіемъ, благотворительностью. — Печерскій дворъ для пріянія нищихъ и больныхъ. — Ропотъ братіи на расточительность преп. Феодосія. — „Слово о терпѣнн и любви“. — Служеніе Печерскаго монастыря міру послѣ преп. Феодосія. — Духовничество и печалованіе послѣдующихъ иноковъ. — Варлаамъ Хутынский. — Иноческіе идеалы Кирилла Туровскаго.

Монаховъ на Руси по источникамъ мы встрѣчаемъ впервые на воскресныхъ трапезахъ ласковаго князя Владимира.

¹⁾ Рѣшительно не видимъ ничего предосудительнаго въ выраженіи: „служеніе или служба міру“ и предпочитаемъ его другому: „служеніе или служба ближнимъ“. Первое болѣе точно, ибо споръ идетъ объ обязанностяхъ иноковъ только къ тѣмъ ближнимъ, которые живутъ внѣ монастырской ограды, къ мірянамъ. Выраженіе „служба ближнимъ“ содержитъ мысль и объ обязанностяхъ инока къ иноку, о взаимномъ служеніи монаховъ. Но объ этомъ, какъ извѣстно, не поднималось вопроса и рѣчи.

²⁾ Читатели нашего журнала, не слѣдившіе за полемикой, найдутъ изложеніе ея сущности, въ яварской книжкѣ Б. В. стр. 172 и слѣд.

Не въ безлюдныхъ степяхъ, не въ непроходимыхъ лѣсныхъ пустыняхъ возникли и первые русскіе монастыри при сынѣ Владиміра Ярославѣ, возникли они въ самомъ центрѣ культурной—торговой, политической и церковной жизни тогдашней Руси, въ стольномъ Кіевѣ. И за весь кіевскій періодъ, даже больше того, до самаго возникновенія Радонежской обители преп. Сергія неизвѣстно ни одного монастыря, построеннаго не въ городѣ или вдали отъ города. Древнѣйшіе русскіе монастыри были *городскими*. Вмѣстѣ съ тѣмъ и древнѣйшее русское монашество не носило характера аناхоретства или отшельничества. Правда, подвижники отшельническаго образа бывали, но ихъ слишкомъ мало, не имъ принадлежитъ дѣло организациі русскаго монашества, организациі, которая носила кивотскій или *общежительный* характеръ по уставу Студійскаго монастыря въ Константинополѣ.

Такое монашество—городское и общежительное не могло не считаться съ русскимъ міромъ и, какъ сейчасъ увидимъ, дѣятельно служило и общественнымъ и частнымъ нуждамъ мірскихъ людей.

Отцы русскаго монашества преп. Антоній и Теодосій Печерскіе были подвижниками разныхъ типовъ: первый, афонскій постриженникъ, былъ созерцатель отшельникъ, второй, постриженникъ уже Антонія, соединялъ съ созерцаніемъ и великими подвигами выдающійся практической и организаторскій талантъ. Какъ только въ пещерѣ образовалось небольшое братство въ 15 человекъ, препод. Антоній, привыкшій къ уединенію, не терпѣвшій волненій и суеты, ушелъ въ затворъ въ одну изъ пещерныхъ келій. Онъ отказывается отъ руководства братіей, ставитъ вмѣсто себя игуменомъ другое лицо и до смерти (1073 г.) не вмѣшивается въ монастырскую жизнь ¹⁾. Не Антоній

1) „Преподобный же Антоній, якоже обыкъ единъ жити и не терпя всякаго мятежа и молвы, затворися въ единой келіи пещеры“. *Житіе прт. Теод.* по Сборнику XII в. Успенскаго Собора Ч. О. И. и Др. 1899, II кн. 54 стр. Также въ Печерскомъ Патерикѣ, изд. *Яковлева*, (Памятники рус. литературы XII и XIII в. стр. 19). Оставляя братію, подвижникъ говорилъ: „живѣте же о собѣ и поставлю вы игумена, а самъ хочу въ оную гору ити единъ, якоже и преже бяхъ обыкъ уединився жити“. *Лѣтон. по Лавр. сп.*, 3 изд. 154; ср. *Яковлева*, 74.

устроилъ славный Печерскій монастырь, не онъ организовалъ и русское монашество. Даже житіе этого отшельника, которое несомнѣнно было написано, не сохранили до насъ русскіе иноки. Устроителемъ русскаго монашества былъ преп. Феодосій. Время его правленія (1062—1074 г.г.) несомнѣнно лучшая пора въ исторіи Печерскаго монастыря, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ исторіи русскаго монашества перваго періода. Послѣдующіе иноки (до преп. Сергія) только подражали преп. Феодосію, далеко не достигая ни высоты его подвиговъ, ни размѣровъ его славы. Ни о какой попыткѣ пересоздать русское монашество, повести его по новому пути, болѣе совершенному или возвышенному, чѣмъ путь Феодосія, задать ему новыя задачи, которыхъ не указалъ бы онъ, не могло быть и рѣчи. *Преп. Феодосій—законодатель русскаго монашества.*

Это исключительный, рѣдкій человѣкъ, поражающій всесторонностью дарованій и той необычайной уравновѣшенностью силъ и свойствъ, которая создаетъ гармонию святой личности. Великій подвижникъ, жаждавшій высшаго подвига—смерти за Христа и за правду, неусыпающій молитвенникъ, „послушливый, кроткій и смиренный“, ревностный но никогда не гнѣвающійся инокъ, прозорливецъ и провидецъ, онъ былъ въ то же время талантливый и практическій администраторъ и въ высшей степени сердечный человѣкъ, отзывчивый на человѣческое горе и на житейскую нужду. Ни одно изъ указанныхъ свойствъ не было преобладающимъ, вытѣсняющимъ другія. Въ свои отношенія къ міру Феодосій вноситъ ту цѣлостность личныхъ дарованій своихъ, которая отмѣчаетъ и его монастырскую игуменскую дѣятельность. Вотъ какими замѣчательными словами характеризуетъ лѣтописецъ эту сторону дѣятельности великаго подвижника: „Игуменьство бо держащу Феодосью въ животъ своемъ, правящу стадо порученное ему Богомъ — черноризцы, не токмо же си едины, но и мирьскими печашеся о душахъ ихъ, како быша спаслися“ ¹⁾. Разнообразно выражается это попеченіе о спасеніи мірянъ. Прежде всего подвижникъ считаетъ обязанностью монаха *молиться за мірянъ*—„трудиться

¹⁾ *Лавр. лѣт.*, 3-ье изд., 205.

въ бдѣніи и въ молитвахъ молиться за весь міръ безъ прѣстани“¹⁾.

Вторая обязанность инока—быть *учителемъ даже пастыремъ мірянъ*. Учительность проявлялась въ обличеніи мірской неправды. Въ Кіевѣ при Θεодосіи произошло княжеское междоусобіе между дѣтьми Ярослава. Братья—князья лишили кіевского стола Изяслава, а Святослава посадили на его мѣсто. Тогда Печерскій игумень запретилъ поминать въ церкви новаго князя, рѣзко отказался идти на княжескій обѣдъ и началъ обличать обидчика. Своимъ посланіемъ къ Святославу, гдѣ его поступокъ сравнивается съ братоубійствомъ Каина, а самъ князь приравнивается къ древнимъ гонителямъ, смиренный печерскій игумень вызвалъ княжескій гнѣвъ. Братія просить Θεодосіа оставить свои обличенія, бояре приходя въ монастырь говорили, что князь подвергнетъ игумена изгнанію или заточенію, но подвижникъ нисколько не испугался этихъ угрозъ и опасностей, напротивъ съ большею ревностью обличалъ Святослава. Видя однако бесплодность своихъ обличеній, преподобный рѣшается „мольбою того молити, дабы возвратилъ брата своего въ область“. Когда Святославъ узналъ о перемѣнѣ въ настроеніи Θεодосіа, онъ самъ ѣдетъ въ Печерскій монастырь, смиренно просить у игумена дозволенія увидаться здѣсь и объясняетъ ему, что не являлся въ монастырь раньше, боясь игуменскаго гнѣва, опасаясь быть не принятымъ. Въ отвѣтъ на это Θεодосій произноситъ многозначительныя слова: „что бо, благіи владыко, успѣетъ гнѣвъ нашъ еже на державу твою; но се намъ подобаетъ обличити и глаголати вамъ еже на спасеніе души, вамъ же лѣпо бы послушати того“²⁾. Подвижникъ считаетъ своей иноческой обязанностью („намъ подобаетъ“) обличать неправду, защищать попранныя права и конечно потому только и взялся за дѣло, которое нисколько не касалось его лично. Примирившись съ Святославомъ и по настойчивой просьбѣ братіи присоединивъ его имя на ектеніяхъ къ имени законнаго князя, Θεодосій не пересталъ, хотя снова безъ успѣха, твердить Святославу, чтобы тотъ уступилъ старшему брату Кіевскій столъ.

¹⁾ Слово св. Θεодосіа о терпѣніи и о любви. Уч. Зап. Ак. Наукъ II, 2, 204—205.

²⁾ Житіе, 75—77; Иковлевъ, 51—52.

Учительство Θεодосія по отношенію къ мірскимъ людямъ выражается еще въ личныхъ душеспасительныхъ бесѣдахъ съ ними, о которыхъ много разъ говорится въ житіи подвижника, и вѣроятно въ церковныхъ поученіяхъ, обращенныхъ къ мірянамъ ¹⁾).

Но онъ несъ относительно мірянъ *обязанность* и болѣе сложную, чисто *пастырскую*. Преп. Θεодосій былъ духовникомъ мірянъ. Слыша о добромъ житіи Печерской братіи, князя, бояре (и ихъ семейства) „прихожаху къ великому Θεодосію, исповѣдающе тому грѣхи своя“ ²⁾. Исповѣдь въ древности у насъ соединялась съ избраніемъ того священника въ духовные или покаяльные отцы. А стать духовникомъ значило тогда взять на свою душу дѣло спасенія своихъ духовныхъ дѣтей, учить ихъ и руководить на пути спасенія, въ каждомъ шагѣ религиозно-нравственной ихъ жизни. Быть почти *старцемъ* для мірянъ. Духовникъ часто долженъ былъ призывать духовныхъ чадъ для бесѣдъ къ себѣ или посѣщать ихъ дома. Какъ покаяльный отецъ, преп. Θεодосій особенно заботился „о духовныхъ сынѣхъ своихъ, утѣшая и наказуя приходящая къ нему, другоицы (другой разъ) въ дома ихъ приходя и благословеніе имъ подавая“. Очевидно такія бесѣды Θεодосія съ духовными дѣтьми въ монастырѣ или же и въ мірскихъ домахъ были нерѣдки. Обычно входили въ программу его пастырской дѣятельности. Лѣтописецъ рисуетъ трогательную картину той сердечности, которая здѣсь царилла. Посѣтивъ однажды боярское семейство Яна Вышатича и Маріи, особенно любимыхъ имъ за благочестивую и дружную жизнь, преп. Θεодосій вель поучительную бесѣду съ хозяевами, духовными дѣтьми своими, говорилъ о милостынѣ къ убогимъ, о загробной жизни и о смертномъ часѣ. Боярыня — хозяйка замѣтила: „кто знаетъ, гдѣ меня положить?“ И преп. Θεодосій отвѣтилъ своей духовной дочери, что она будетъ положена тамъ же, гдѣ и онъ. (Предсказаніе дѣйствительно сбылось: боярыня была погребена въ великой печерской церкви противъ гроба Тео-

¹⁾ О послѣднемъ можно судить по поученіямъ мірянамъ, написаннымъ именемъ преп. Θεодосія, хотя ихъ подлинность и оспаривается нѣкоторыми учеными.

²⁾ *Житіе*, 60; *Яковлевъ*, 25.

досія) ¹⁾. Духовныя дѣти составляли около преп. Θεодосія цѣлостную семью и вѣроятно передъ смертью онъ передалъ покаяльныхъ дѣтей бояръ своему преемнику по игуменству— Стефану. И когда печерская братія возстала на Стефана, лишила его игуменства и изгнала изъ монастыря, эти бояре пожалѣли своего посрамленнаго духовнаго отца и помогли ему устроить свой монастырь ²⁾. Но если преп. Θεодосій передаетъ свою духовную семью преемнику по монастырскому игуменству, то это значить, что духовничество среди мирянъ онъ признавалъ *обычнымъ дѣломъ* инока и естественною *обязанностью* монашескаго званія.

Третья форма служенія міру, которую показалъ на своемъ примѣрѣ отецъ русскаго монашества,—*заступничество* или, какъ обычно оно называлось въ древней Руси, *печалованіе*. Разъ убогая вдова, обиженная судьей, пришла въ монастырь и случайно встрѣтила подвижника. Она обратилась къ нему съ вопросомъ,—дома ли игумень? Θεодосій замѣчаетъ: „зачѣмъ онъ тебѣ нуженъ, онъ человекъ грѣшный“. Любопытенъ отвѣтъ женщины: „аще и грѣшенъ есть, не вѣмъ; токмо се вѣмъ, яко мнози избави отъ печали и напасти, и сего ради и азъ придохъ, яко да и мнѣ поможетъ, обидимъ суши безъ правды отъ судіи“. Узнавъ ея дѣло, преподобный сильно сжалился, обѣщалъ передать игумену ея просьбу, обнадежилъ беззащитную, что тотъ ее избавить отъ бѣды, и отослалъ домой. Женщина пошла домой, а преподобный къ судѣѣ, и она получила, чего была лишена пристрастнымъ судьей. Разказавъ этотъ случай, жизнеописатель преподобнаго прибавляетъ: „такъ же сій блаженный отецъ нашъ Θεодосій многымъ заступникъ бысть предъ судіями и князи, избавляя тѣхъ, не бо можахуть ни въ чемъ преслушати его, вѣдуща и (его) праведна и свята. Не бо его чтяху честныхъ его ради портъ и свѣтлыя одежда или имѣнія ради многаго, но честнаго его ради житія и свѣтлыя душа и поученій того многихъ, яже кипяхуть святымъ духомъ отъ устъ его“ ³⁾. Ясно опять таки, что печалованіе было *обычнымъ дѣломъ* преподобнаго печерскаго игумена, что оно соединялось съ великимъ пастырскимъ вліяніемъ его въ мірской средѣ.

¹⁾ *Лавр. лѣт.*, 205.

²⁾ *Житіе*, 94—95; *Яковлевъ*, 62—63.

³⁾ *Житіе*, 89—90; *Яковлевъ*—56.

Четвертая форма, въ которой проявлялось служеніе его міру—*благодѣлительность*. По своимъ идеаламъ преп. Θεодосій, какъ истинный монахъ, былъ нестяжатель: онъ не хотѣлъ имѣть въ монастырѣ лишняго имущества и не возлагалъ своихъ упованій на имѣнье ¹⁾. Но онъ не отказывался принимать приношенія отъ мірянъ въ монастырь, даже вклады селами, побуждаемый вѣроятно своей братіей, которая, какъ увидимъ, была настроена не такъ безкорыстно. Препод. Θεодосій, едва могъ достигать того, чтобы братія не имѣла частной собственности, т. е. чтобы она исполняла элементарное требованіе общежительнаго устава. Не безъ труда могъ онъ соблюсти и слѣдующее предписаніе Θεодора Студита: „да не скопишь золота въ монастырѣ твоёмъ, но избытокъ всякаго вида да раздаешь нуждающимся въ воротахъ двора твоего, какъ дѣлали святые отцы“ ²⁾,—предписаніе, которое, какъ видитъ читатель, признаетъ *благодѣлительность непремѣнной обязанностью* монастыря, разъ въ немъ есть избытокъ всякаго вида. Приносы и вклады богатыхъ мірянъ въ монастырь даютъ возможность печерскому игумену благодѣлать мірянамъ же, только не имущимъ. Преп. Θεодосій былъ очень милосердъ. Видъ убогаго и нищаго въ худой одеждѣ возбуждалъ въ немъ чувство жалости и вызывалъ слезы состраданія. Состраданіе переходитъ у него въ дѣло и благодѣлительность монастыря принимаетъ организованный характеръ. За монастырской оградой преподобный построилъ дворъ съ церковію и на этомъ дворѣ принимались калѣки, нищіе и больные. Полное содержаніе они получали отъ монастыря, на что расходовалась десятина его доходовъ. Кромѣ этого каждую субботу преп. Θεодосій посылалъ возъ печенаго хлѣба колодникамъ ³⁾. Такъ печерскій монастырь становится благодѣлителемъ.

¹⁾ *Житіе*, 73: Тѣмъ же не хотяше никакоже прилога творити въ немъ (въ монастырѣ), нѣ бѣ вѣроу и надежею къ Богу воскланяся, якоже паче не имѣти упованія немѣнѣемъ (вар. нмѣнѣемъ); ср. *Яковлевъ*, 38—39.

²⁾ Завѣщаніе игумену *Migne*, P. Gr. XCIX, col. 1821, § 21. р. пер. *Е. Е. Голубинскій*, *Исторія*, 1, 2, 683.

³⁾ „Таково бо бѣ милосердіе великаго отца нашего Θεодосія, аще бо видяше нища или убога, въ скорби суща и въ одежи худѣ, жаляше си его ради и вельми тужаше о семъ и съ плачемъ того миловаше. И сего ради створи дворъ близъ монастыря своего и церковь возгради въ немъ

Но нищелюбивому Θεодосію этого было еще мало. Онъ былъ заступникъ вдовъ, помощникъ сиротъ, прибѣжище убогимъ; училъ и утѣшалъ приходящихъ и подавалъ „еже на потребу и на пищу тѣмъ“. Многие „несмысленные“ укоряли добраго расточителя. Много разъ приходилось ему принимать досажденія и укоризны и отъ учениковъ своихъ. Но онъ только радовался и молилъ за всѣхъ Бога ¹⁾. Дѣло доходило до ропота на игумена со стороны печерской братіи, по крайней мѣрѣ со стороны значительной ея части. Одно поученіе преп. Θεодосія, чрезвычайно интересное въ настоящемъ случаѣ, превосходно вскрываетъ этотъ внутренній разладъ въ лучшей русской обители XI вѣка. „Слово святого Θεодосія о терпѣннн и любви“, которое мы имѣемъ въ виду, вызвано было ропотомъ братіи на него по двумъ поводамъ — потому, что не всѣхъ, проводшихъ время искуса, онъ удостоивалъ монашескаго постриженія, а еще по поводу неумѣренной будто бы его благотворительности. Θεодосій поучаетъ братію, ссылаясь на примѣръ и слова ап. Павла (2 Θεссал., III, 8—10): *„слѣдуетъ намъ отъ трудовъ своихъ кормити убогихъ и странннхъ, а не пребывать праздными, переходя отъ кельи въ келью. Если бы не кормили насъ добрые люди, что бы мы сдѣлали, надѣясь на свои труды? И если скажемъ: за наше пѣніе, за постъ и за бдѣніе приносятъ намъ все это, то вѣдь мы за приносящихъ даже не поклонимся ни разу!“* Преподобный ссылается на притчу Господню о дѣвахъ (Мѣ. XXV, 1—13) и толкуеть ее такимъ образомъ: *„мудрыя соблюли дѣвство и свѣтильники свои украсили милостыней и вѣрой, потому вошли въ чертогъ радости безъ всякаго препятствія. Почему же другія дѣвы названы неразумными? Потому, что соблюдя дѣвственную пе-*

святаго первомученика Стефана; *ту же повелѣть пребывати нищимъ, и слѣпымъ, и хромымъ, и трудоватымъ* (т. е. больнымъ) *и отъ монастыря подаваше имъ еже на потребу, и отъ всего сущаго монастырскаго десятую часть даваше имъ.* И еще по вся суботы посылаше въ потребу возъ хлѣбъ сущимъ въ узакъ“. *Житіе*, 75—76; Ср. *Яковлевъ*, 41.

¹⁾ *Житіе* 89. „И бысть вдовицамъ заступникъ и овиремъ помощникъ и убогимъ заступникъ и, спроста рещи, вся приходящая уча и утѣшая отпушаше. Убогимъ же подавая еже на потребу и на пищу тѣмъ. Мнози же того отъ несмысленныхъ укаряхуть: тоже сій съ радостію та примаше. се же якоже и отъ ученикъ своихъ многожды укоризны и досаженія тому пріимати, но обаче онъ Бога моля за вся пребываше“. Ср. *Яковлева*, 55.

чать неразормой, смиривъ плотъ свою постомъ, бдѣнїемъ и молитвами, оны не принесли масла, т. е. милостыни, въ свѣтильникахъ своихъ души; за это изгнаны оны были изъ чертога, начали искать продающихъ милостыню нищимъ (NB толкованіе на— „продающихъ елей“), но не нашли: двери челоуѣколюбія Божїя затворились. И неприлично (не слѣдуетъ) намъ, возлюбленные, продолжаетъ Θεодосїй, удерживать у себя то, что посылаетъ Богъ на пользу душамъ нашимъ и тѣлу отъ добрыхъ людей, и не подавать постороннимъ“. Это подтверждается текстами Писанїя (Дѣян. XX, 35; Псал. XL, 2; Мѡ. V, 7). „Не уподобимся тѣмъ ропотникамъ, которые ради чревоугодія пали въ пустынь, не станемъ поддаваться бѣсовскимъ помышленїямъ, которыя встаютъ въ наши сердца непристойное, не давая намъ возможности воздать Богу хвалу о всѣхъ Его благодѣянїяхъ къ намъ“. Указавъ примѣры ропота евреевъ на своего освободителя Моисея, Θεодосїй останавливается на томъ случаѣ, когда они говорили: зачѣмъ подаемъ мы хлѣбъ иноплемненнымъ? Подвижникъ свидѣтельствуетъ, что не отъ всѣхъ слышитъ подобныя слова, потому что ропщутъ тайно, но говорить теперь всѣмъ въ предостереженіе отъ зла сребролюбія. „Скажать (лицемѣрный сребролюбецъ): почто гибель сія бысть?... А послѣ не продалъ ли Іуда Учителя своего за 30 сребренниковъ? И самъ удавился“.—Этимъ кончается обличительная часть поученїя, послѣ которой слѣдуетъ заключительное увѣщаніе. Въ сильныхъ словахъ отчасти библейскихъ описываетъ преподобный свою скорбь по поводу ропота иноковъ, изведенныхъ благодатю Божїей и имъ—игуменомъ изъ мысленнаго Египта. „Чего мы лишились (подавая милостыню)? Что вы принесли отъ своихъ имѣній на это мѣсто? Или я требовалъ чего-нибудь отъ васъ, принимая въ обитель и въ Божїе челоуѣколюбіе?“... Преподобный умоляетъ братїю бросить „двоедушїе“ (т. е. привязанность къ мірскимъ благамъ при монашескихъ обѣтахъ) ¹⁾.

¹⁾ Въ интересахъ точности приводимъ подлинный текстъ большей части памятника по издавію поученїй преп. Θεодосїя, сдѣланному митр. Макаріемъ. Уч. Зап. Ак. Н. II, II, 205 — 207. (Ср. другое изд. въ Памятникахъ др. р. церк.-учительной литературы проф. Пономарева, вып. I, 35—37). „Нынѣ же азъ, худый, въ умѣ прїемъ заповѣдь благаго Владыки, се вѣщаю вамъ: льно бо бяше намъ отъ трудовъ своихъ кормити убогія и

Всмотримся повнимательнѣе въ происшествіе, вызвавшее сейчасъ изложенное поученіе. Въ Печерскомъ монастырѣ

странныя, а не празднымъ пребывать, переходити отъ келіи въ келію. Слышасте бо Павла, глаголюща: яко ни гдѣ же ты (вар. ту) ни хлѣба ни ядохъ, но ночь дѣлахъ, а въ две проповѣдахъ, и рудѣ мои послужиста ей мѣи и инѣмъ; и пакы: праздный да не ясть. Мы ничтоже того не сотворихомъ. Аще бы не благодать Божія приспѣла на насъ и кормила боголюбивыми человекѣи: что быхомъ сотворили на своя труды зряще? Да аще речемъ: пѣнія ради нашего, или поста ради, или бдѣнія та намъ вся приносятъ, и за всѣхъ бо за приносящихъ ни единою поклонимся. Слышасте бо притчу о десяти дѣвѣ мудрыхъ (sic! вѣроятно здѣсь пропускъ „о десяти дѣвѣ: 5 мудрыхъ“) и 5 неразумныхъ. Вѣщеваетъ бо святое Евангеліе: мудрыя же дѣвство соблюдоша и свѣтилиники своя украсиша милостынями и вѣрами, и видоша въ чертогъ радостный, и нѣкому же взбраняющу имъ. Они же буяя како нарекошася? Понеже дѣвственную печать соблюдоша неразорму, и въ пощеніи и въ бдѣніи, въ молитвахъ сточиша плоть свою, масла же и милостыни не принесоша въ свѣтильничныхъ своихъ душъ: и того ради изгнани быша изъ чертога и тогда възскаша продающихъ милостыня нищихъ, но не обрѣтоша; уже бо затворишася двери человеклюбія Божія. — Да не лѣпо намъ есть, возлюбленіи, посылаемыхъ отъ Бога на пользу душамъ и тѣлестамъ нашимъ отъ боголюбивыхъ человекъ удержати себе, но и инѣмъ подаяти требующимъ. Луче бо, рече апостоль, даяти, нежели взимати. Блаженъ, рече, разумѣваяя на нища и убога: въ день лють избави и Господь. И пакы: блажени милостивіи, яко ти помиловани будутъ. Да не уподобимся онѣмъ ропчивымъ, иже чрева ради надоша въ пустыни, ни помышляемъ бѣсовскихъ помышлений, иже встѣаютъ въ сердца наша неподобная, не дающе намъ хвалы воздати Богу о всѣхъ благодатѣхъ его, еже къ намъ“... Рядъ библейскихъ давныхъ относительно ропота евреевъ въ пустынѣ заканчивается: „и пакъ воду имъ исъ камени источи, и хлѣбы имъ съ небесе дарова. Той ли похвалиша Бога безблагодатвіи? Но начаша глаголати: егда подаваемъ отъ хлѣба иноязычникомъ? И не отъ всѣхъ ны слово сіи есть, тайнѣ ропщущимъ: но того дѣля глаголю то всѣмъ, да не вси примуть яко квась во себурелюбія. Глаголаше: почто гибель сія бысть; можаше бо сему распродатися на мнозѣ и дати убогимъ. И послѣди же не продасть ли Іюда Учителя своего на тридесятѣхъ сребреницѣхъ? А самъ удавился.—И како ми не стенати и не тужити, любимици мои, и та вся слышаше отъ васъ? И аще быхомъ глаголь възглаголали ино пророческое слово; кто дастъ главѣ моей каменіе (воду?) и очима мовма источники слезъ, да плачюся день и ноць дщери людіи монхъ? Удалихомбоя въ пустыню по писанію и чаемъ Бога спасающаго насъ, и не изведе ли насъ пакы изъ Египта—отъ міра въ пустыню сію безводную не рукою Моисея, но благодатію Божіею? И облюбовани быша, братія моя и отци, что бо привнесете отъ имѣній своихъ на мѣсто се, или что азъ требовахъ отъ васъ, пріямая вы въ обитель сію и въ человеклюбіе Божіе, что насъ лишенныхъ вся ли подасть намъ, мо-

возникаетъ неудовольствіе на преп. Θεодосія, скрытый ропоть. Однимъ изъ поводовъ къ нему послужила неразсчетливая благотворительность преподобнаго игумена. Ропотники, прикрывая настоящіе низменные мотивы своего неудовольствія—жадность и недостатокъ сострадательности, стараются доказать всю излишность монашеской благотворительности. Они говорятъ, что уже достаточно платятъ міру за его благодѣянія своими молитвами, бдѣніемъ и постомъ. Мало того. Они разсуждаютъ, что постъ, бдѣніе и молитвы спасутъ ихъ и безъ милости. На первое преп. Θεодосій возражаетъ, что ужъ очень плохо молятся они за христороубцевъ, за своихъ благотворителей мірянъ, слѣдовательно остаются передъ ними въ неоплатномъ долгу; а для опроверженія второго приводитъ притчу о десяти дѣвахъ и иноковъ, разсуждающихъ объ излишествѣ благотворительности, приравниваетъ къ дѣвамъ неразумнымъ, соблюдавшимъ дѣвственную чистоту, смирившимъ подвигами—постомъ, молитвой и бдѣніемъ плоть свою, но не проникшимъ въ чертогъ радости, потому что въ свѣтильникахъ ихъ душъ не нашлось масла, т. е. милости. Сурово обращается кроткій подвижникъ къ ропотникамъ. Онъ ихъ сравниваетъ съ непокорными іудеями, а ихъ мысли прямо называетъ *бѣсовскими помысленіями*. Съ своей стороны онъ предписываетъ братіи дѣлаться съ нуждающимися монастырскимъ имѣніемъ, какимъ бы путемъ оно ни было пріобрѣтено: *вмѣняетъ въ непремѣнную обязанность кормить убогихъ и страннѣхъ отъ трудовъ своихъ; запрещаетъ удерживать исключительно на свое содержаніе и подаваніе мірянъ въ монастырь*.

Таково служеніе преп. Θεодосія современному русскому міру. Подробно останавливаемся мы на немъ не безъ причины. На дѣятельность Θεодосія нельзя смотрѣть какъ на дѣло частнаго инокъ, нисколько необязательное для другихъ. Онъ—отецъ русскаго монашества, по признанію самихъ древнихъ иноковъ нашихъ, „игумень или архимандритъ всея

литвами святѣя Богородица? Да тѣмъ молюся вамъ отъ всея душа моя, любимици моя, не пребываемъ въ дводушіи, да не прогнѣваемъ благого Владыки, якоже и оны непокорнѣи, но воздадимъ хвалу благому Владыцѣ, о яке тако о насъ смотритъ и вся намъ изобилія подаваетъ, не помня немощей нашихъ“... Изложеніе приведеннаго поученія (болѣе краткое) можно читать и въ Исторія *митр. Макарія*, I, 124—126.

Руси“, „начальникъ иже въ Руси мнишьскому чину“, „общему житію первый начальникъ въ русской землѣ“¹⁾. Ставя его на такое мѣсто, наше древнее монашество должно было видѣть (и дѣйствительно видѣло) въ его лицѣ *обязательный примѣръ*, а въ дѣятельности, которую мы описывали, *обязательную программу* своего служенія міру.

Такъ оно и было. Печерскій монастырь не забылъ завѣтовъ своего устроителя. Игумень Стефанъ соединилъ дворъ для принятія нищихъ, приходившійся между двумя половинами монастыря, въ одну систему строеній, впрочемъ не нарушивъ оградъ, которыми части эти отдѣлялись другъ отъ друга²⁾.

Общежительный уставъ во всей строгости, какъ извѣстно, недолго продержался въ Печерскомъ монастырѣ, а вмѣстѣ съ его ослабленіемъ вѣроятно пала и организованная благотворительность обители. Думаемъ такъ, потому что имѣемъ примѣры подобной зависимости явленій. Печерская братія дѣлится теперь на богатыхъ и бѣдныхъ, богатые служатъ предметомъ вниманія и почтенія, бѣдные находятся въ небреженіи. Но теперь въ монастырѣ развивается *частная благотворительность*: лучшіе иноки раздають бѣднымъ всё, что имѣютъ. Никола Святоша, князь-инокъ, самъ ничего не вкушалъ кромѣ монастырской пищи, хотя имѣлъ много своего. Всѣ свое онъ раздавалъ странникамъ, нищимъ и на церковное строеніе³⁾. Преп. Іоаннъ роздалъ нищимъ все свое имѣнье. Преп. Григорій, который имѣлъ только книги, продалъ ихъ, а вырученное роздалъ убогимъ. Преп. Маркъ Печерникъ ничего не бралъ съ иноковъ, которымъ готовилъ мѣста для погребенія, но, если кто самъ давалъ, онъ не отказывался, бралъ, чтобы раздавать нищимъ. Преп. Аппій иконникъ дѣлилъ на три части то, что получалъ за свое дѣло: одна часть шла на милостыню. Во время

1) Похвала преп. Θεοδοσία, *Яковлевъ* 64; Житіе преп. Авраамія Смоленскаго, Прав. Соб. 1858, III, 142, 383; *Кириллъ Туровскій*, Пам. Росс. Слов. XII в. 126—127; Нгр. Лѣтоп. 2-я и 3-я, СПб. 1879, стр. 79.

2) *Житіе* преп. Θεοδοσία, 95; *Яковлевъ*, 62.

3) *Яковлевъ*, 101. Можетъ быть преп. Никола принималъ на себя и обязанность печалованія. По крайней мѣрѣ къ умирающему подвижнику его врачъ обращаетъ слѣдующія слова: „и кто напаетъ много чадъ требующихъ? и кто *заступитъ обидимыхъ*? кто помилуетъ нищихъ?“ *Тамъ же*, 103.

голода преп. Прохоръ Лебедникъ своими руками приготовлялъ хлѣбъ изъ лебеды, который чудесно превращался въ настоящій, и соль изъ пепла. Скромный печерскій инокъ оказываетъ противодѣйствіе самому великому князю Святополку Изяславичу, который въ союзѣ съ кіевскими жидами запретилъ ввозъ соли изъ Галиціи, чтобы воспользоваться дороговизной соли. Когда она дѣйствительно вздорожала и народъ долженъ былъ платить большія деньги монополистамъ, Печерскій монастырь раздавалъ соль даромъ. Это сбиваетъ цѣну и разстраиваетъ дурные замыслы ¹⁾. Очень высоко цѣнилась добродѣтель милостыни въ Печерскомъ монастырѣ: раздать нищимъ значило дать Богу ²⁾.

Въ самомъ монастырѣ для братіи былъ организованъ уходъ за больными, по крайней мѣрѣ упоминаются монахи „на то устроеніи—больнымъ служить“. Однако Печерскіе иноки не чуждались помощи и больнымъ мірянамъ. Преп. Агапитъ, безмездный врачъ, имѣлъ даръ исцѣленія. „И слышано бысть о немъ въ градѣ, яко нѣкто въ монастырѣ лечецъ. И мнози боляще приходяху къ нему и здрави бываху“ ³⁾.

Изъ Печерскаго монастыря по временамъ слышится голосъ обличенія сильнымъ земли. Корыстолюбецъ и насильникъ упомянутый князь Святополкъ нашолъ своего обличителя въ Печерскомъ игуменѣ Іоаннѣ (съ 1088—вѣроятно 1103 г.). Очевидно обличать насиліе властей этотъ игуменъ считалъ своею непремѣнной обязанностью, руководясь можетъ быть примѣромъ преп. Θεодосія, и не утратился гоненія и заточенія, которому подвергъ его Святополкъ ⁴⁾.—Печерскій монастырь проявилъ свою общественную дѣятельность въ распространеніи христіанства, очевидно не считая и миссіонерство чужимъ монашеству дѣломъ. Извѣстенъ печерскій миссіонеръ и мученикъ среди вятичей преп. Кукша съ ученикомъ. Есть много основаній думать, что Печерскіе иноки были распространителями христіанства въ Суздальской землѣ или въ Залѣсскѣ, т. е. въ нашемъ краѣ ⁵⁾.

¹⁾ *Аковлевъ*, 123, 137, 158, 176, 152—157.

²⁾ *Тамъ же*, 123.

³⁾ *Тамъ же*, 183, 130.

⁴⁾ *Тамъ же*, 156.

⁵⁾ Подробности см. въ нашей статьѣ *Значеніе Печерскаго монаст. въ начальной исторіи русской церкви и общества*. Бог. Вѣстн. 1896 г., окт., и отдѣльный оттискъ.

Печерскій монастырь былъ почитаемъ старѣйшимъ изъ русскихъ монастырей, потому что отъ него приняли уставъ всѣ русскіе монастыри того времени, хотя можетъ быть не во всей полнотѣ и строгости. Но вѣроятно вмѣстѣ съ уставомъ русскіе монастыри переняли отъ старѣйшаго монастыря, отъ „новоявленной пещеры“, и примѣръ его служенія міру—молитву за мірянъ, учительство въ разныхъ видахъ, печалованіе и благотворительность, хотя, разумѣется, въ степени болѣе слабой. Слишкомъ скудны свѣдѣнія наши о монашествѣ за первый періодъ русской церковной исторіи, но всетаки ихъ достаточно для того, чтобы видѣть, что программа служенія міру, начертанная Θεодосіемъ, оставалась неизмѣнной и общеобязательной для всего русскаго иночества первыхъ вѣковъ нашей церковной жизни. Фактъ учительности тогдашнихъ иноковъ въ отношеніи къ мірянамъ не подлежитъ сомнѣнію. О преп. Варлаамѣ Хутынскомъ, представителѣ уже не кievскаго, а новгородскаго монашества, древнее житіе его свидѣтельствуетъ: „и отсюду собирахуся къ нему князи и бояре и убози; онъ же никогда же не лѣнивъ быше Господа ради учить люди“. Указанные далѣе предметы поученій преподобнаго касаются мірской жизни, мірскихъ отношеній. Монахи часто бывали духовниками мірянъ,—прежде всего у князей и княгинь ¹⁾. Мы имѣемъ полное право предполагать, что они гораздо чаще, чѣмъ бѣлые священники, занимали видную и выгодную пожитейски должность княжескаго духовника ²⁾. Русскіе бояре, на-

¹⁾ *Евдокимъ*, игумень Печерскій, духовный отецъ князя Давида Игоревича и его княгини (*Ипат. лѣт.* 1112 г., 197 стр.); *Адрианъ*, игумень выдубецкаго Михайловскаго монастыря, духовный отецъ великаго князя Рюрика Ростиславича (*Тамъ же*, 1190 г., 448); *Симонъ*, игумень владимірскаго Рождественскаго монастыря, духовникъ великой княгини Маріи, жены Всеволода III (*Лавр. лѣт.* 1206 г., стр. 403, ср. *Лѣт. Пересл. Сузд.*, 108 стр.); *Пахомій*, игумень ростовскаго монастыря св. Петра, духовникъ князя Ростовскаго Константина Всеволодовича (*Тамъ же*, 1214 г., стр. 416); *Кириллъ*, игумень владимірскаго Рождественскаго монастыря, духовникъ князя Василька Константиновича (*Тамъ же*, 1231 г., стр. 433—434). Кромѣ поименованныхъ можно назвать еще предположительно *черноризца Іакова*, написавшаго посланіе духовному сыну своему Дмитрію (по предположенію преосв. Макарія—великому князю Пяславу Ярославичу, *Исторія*, II, 156, 339—342).

²⁾ Извѣстенъ положительно за весь періодъ только одинъ княжескій

сколько извѣстно, также не чуждались иноковъ и выбрали ихъ себѣ въ духовники¹⁾. На исповѣдь въ монастыри, къ духовникамъ іеромонахамъ хаживали и „смерды, иже по селамъ живутъ“ (т. е. крестьяне)²⁾. До какой степени обширна бывала духовническая практика инока среди мірянъ, объ этомъ можетъ свидѣтельствовать примѣръ Авраамія Смоленскаго. Вслѣдствіе выдающейся учительности подвижника на исповѣдь къ нему ходитъ „весь городъ“— бояре, рабы, женщины и дѣти. Міряне бросаютъ прежнихъ духовниковъ и выбираютъ духовнымъ отцомъ себѣ учительнаго Авраамія. Это вызываетъ гоненіе на преподобнаго со стороны смоленскихъ поповъ и игуменовъ, лишившихся духовныхъ дѣтей своихъ, (а вмѣстѣ съ тѣмъ и части доходовъ),— судъ и осужденіе славнаго инока³⁾. До какой степени сложна была духовническая практика русскаго инока первыхъ вѣковъ нашей церкви, насколько хорошо надо было ему знать тогдашніе полуязыческіе нравы и быть русскихъ христіанъ, тѣхъ христіанъ, которые такъ недавно „звѣринымъ обычаемъ живяху“, и съ какой стороны слѣдовало на нихъ воздѣйствовать, лучшее свидѣтельство на этотъ счетъ мы найдемъ въ Вопросаніи Кирика (пол. XII в.), произведеніи типичнаго древнерусскаго духовника, іеромонаха Антоніева новгородскаго монастыря⁴⁾. Приведенныя данныя съ несомнѣнностью убѣждаютъ, что духовническая дѣятельность монаховъ домонгольскаго или кievскаго періода среди мірянъ была не исключительнымъ, а совершенно обычнымъ явленіемъ. Это важный церковно-историческій фактъ.

Намъ неизвѣстны примѣры открытаго обличенія князей

духовникъ изъ бѣльцовъ: *попъ Сельючъ*, духовный отецъ великаго князя Ростислава Мстиславича (*Ипат. л.* 1168 г. 362—364); предположительно— Іоаннъ, духовникъ князя Всеволода Юрьевича (*Лавр. лѣт.* 1190 г. 387 стр.).

¹⁾ Игумены печерскіе преп. Феодосій и Стефанъ, какъ было упомянуто, состояли духовниками кievскихъ бояръ. Инокъ Зарубской пещеры *Георгій* пишетъ посланіе своему духовному сыну знатному юношѣ (издано *Срезневскимъ* въ Свѣдѣніяхъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, вып. I, 54—57).

²⁾ Вопросаніе Кирика. *Рус. Ист. Б—ки*, VI, 47—48.

³⁾ *Житіе преп. Авраамія Смоленскаго*, издано въ Прав. Соб. 1853, III; содержаніе его рассказано въ нашемъ очеркѣ *Древнерусскій духовникъ*, отд. отт. стр. 40—44.

⁴⁾ См. тотъ же нашъ очеркъ, стр. 63—94.

и имущихъ власть подвижниками того времени (это дѣлали тогда высшіе іерархи русскіе). Но обращеніе къ милосердію, заступничество за несчастныхъ осужденныхъ, печалованіе русскіе иноки считали своимъ дѣломъ. Игумены кievскихъ монастырей печалуются предъ великимъ княземъ Святополкомъ за несчастнаго князя Василька Ростиславича, какъ только узнали объ ослѣпленіи, грозящемъ Васильку ¹⁾. Передъ тѣмъ же Святополкомъ митрополитъ и игумены печалуются за князя Ярослава Ярополковича и вымаливаютъ ему свободу ²⁾. Митрополитъ Константинъ I и „игумени вси“ ходатайствуютъ и съ успѣхомъ предъ Юріемъ Долгорукимъ за князя-изгоя Ивана Ростиславича Берладника, которому грозила смерть ³⁾. Заступничество преп. Варлаама Хутынского спасло жизнь одному осужденному преступнику, котораго новгородцы собирались сбросить съ моста въ Волховъ ⁴⁾.

Въ періодъ княжескихъ усобицъ иноки являются и миротворцами. Высшая іерархія древнѣйшей Руси считала это дѣло своею обязанностью. Но мы видимъ, — то вмѣстѣ съ митрополитами и епископами, то вмѣсто нихъ игумены древнерусскихъ монастырей мирятъ враждующихъ князей, утишаютъ расходившіяся страсти. Въ 1127 году, когда митрополита на Руси не было, Григорій, игумень кievскаго Андреевскаго монастыря, почитаемый и князьями и народомъ, удерживалъ великаго князя Мстислава Владиміровича отъ кровопролитія. Отказываясь по совѣту игумена отъ войны, Мстиславъ нарушалъ крестное цѣлованіе. И Григорій съ соборомъ духовенства взялъ на себя княжескій грѣхъ клятвеннаго преступленія. Князь ихъ послушалъ ⁵⁾. До какой степени видное

¹⁾ *Лавр. лѣт.* 250; *Ипат. лѣт.* 170, 1097 г.

²⁾ *Лавр. лѣт.* 265; *Ипат. лѣт.* 181, 1101 г.

³⁾ *Ипат. лѣт.* 1157 г., стр. 335.

⁴⁾ *Житіе преп. Варлаама*, Изд. О. Л. Др. Писем., 10—11.

⁵⁾ *Лавр. лѣт.* 282; *Ипат. лѣт.* 210. Вотъ примѣры, когда иноки являлись миротворцами вмѣстѣ съ представителями высшей іерархіи: игумень Спасскаго на Берестовѣ монастыря *Петръ* вмѣстѣ съ митр. Кирилломъ II и черниговскимъ еп. Порфиріемъ 2-мъ въ 1230 г. (*Лавр. лѣт.*, 433); *Ефремъ*, игумень Богородицкаго монастыря, вмѣстѣ съ Порфиріемъ 1-мъ, еп. черниговскимъ, ѣздили для мира къ владимірскому князю Всеволоду и тотъ задержалъ ихъ на два года (въ 1177 г. *Ипат. л.*

участіе принимали настоятели кievскихъ монастырей въ дѣлѣ взаимныхъ княжескихъ отношеній, объ этомъ лучше всего свидѣтельствуютъ слова, сказанныя Мономахомъ и Святополкомъ князю Олегу Черниговскому: „пойди Кіеву, да порядъ положимъ о Русьствѣй земли предъ епископы и предъ игумены и предъ мужи отецъ нашихъ“¹⁾.

Благотворительность была вѣроятно; обычнымъ дѣломъ для лучшихъ обителѣй того времени. Ниже придется говорить о такой дѣятельности Хутынской обители преп. Варлаама въ XVI в. Благотворительность считалась тогда завѣтомъ, обычаемъ монастыря, *завѣтъю* самого преподобнаго подвижника, и навѣрно шла изъ его времени († 1192 г.).

Изъ XII стол. извѣстенъ на Руси аскетъ-писатель, который излагалъ высокіе идеалы монашескаго чина и описывалъ нормальный строй общежительнаго монастыря, — это *Кириллъ еп. Туровскій*, равнѣ того — инокъ затворникъ или столпникъ. Въ посланіи къ Печерскому игумену Василию (избр. въ 1182 — 85 г.г.) онъ перечисляетъ рядъ тѣхъ духовныхъ оружій на противника діавола, которыя иноку даеть монастырь: „постъ, молитва, слезы, воздержаніе, чистота, любовь, смиреніе, покореніе, люботрудіе, неснисканіе“. Въ другомъ мѣстѣ совѣтуютъ монастырской братіи ревновать подвигу святыхъ отецъ, перегоня другъ друга, какъ бѣгутъ ретивые кони въ стадѣ, преспѣвать „въ алканіи, въ бдѣніи, въ молитвахъ, въ служебныхъ трудахъ“²⁾. Въ числѣ обязательныхъ иноческихъ добродѣтелей епископъ-подвижникъ не называетъ ни одну изъ тѣхъ, которыя мы указывали въ средѣ монашества того времени — ни настырскаго попеченія о душахъ мірянъ, ни милостыни, ни печалованія, ни ухода за больными. Могутъ отсюда заключать, что онъ и не признавалъ все это обязательнымъ. Но молчаніе еще никакъ нельзя считать равносильнымъ отрицанію. Притомъ же молчаніе Кирилла объ одной изъ добродѣтелей — о милостынѣ легко объясняется тѣмъ, что онъ предписываетъ трудно

411.); *Михаилъ*, игумень Отрочьяго монастыря, вмѣстѣ съ смоленскимъ епископомъ Игнатіемъ (въ 1206 г., *Лавр. лѣт.*, 404).

1) *Лавр. лѣт.*, стр. 222, 1096 г.

2) „Повѣсть къ Василью игумену Печерскому, притча о бѣлоризцѣ челоувѣкѣ и о мнишьствѣ“, *Пам. Росс. Словесности XII стол.*, 120 и 130.

совмѣстную съ ней добродѣтель „неснисканія“, т. е. нестяжательность, хриstopодобную нищету. Даже еслибы Кирилль Туровскій прямо и рѣшительно заявилъ, что перечисленныя добродѣтели необязательны для монаха, или, что на лѣстницѣ подвижника онѣ только низшія ступени, то въ такомъ случаѣ еще являлся бы вопросъ, можно ли считать это выраженіемъ идеаловъ тогдашняго русскаго монашества. Есть основаніе сомнѣваться въ этомъ. Упомянутому Печерскому игумену Василию писано было „посланіе нѣкотораго старца“—неизвѣстнаго автора, по мнѣнію авторитетныхъ историковъ принадлежащее перу того же Кирилла еп. Туровскаго. На вопросъ Василю о великомъ и святомъ образѣ схимы, въ который игумень издавна желалъ облечься, неизвѣстный старецъ даетъ такой совѣтъ: написать свой пожизненный обѣтъ—постъ, или ночную молитву, или безмолвіе, или неисходное житіе въ монастырѣ, или *милостыню* по рукамъ, или *подаяніе* всякому просящему, наконецъ негнѣвливость ¹⁾. Милостыня признается здѣсь обѣтомъ, совершенно приличнымъ высшему монашескому званію, образу схимника,—въ такой же степени, какъ ночная молитва, постъ или безмолвіе. Она ставится на ряду съ высшими иноческими подвигами.

II.

Русское монашество съ пол. XIV в., — пустынное. — Древне-русское пустынножителство. — Преп. *Сергій Радонежскій*. — Его благотворительная дѣятельность. — Заповѣдь служебнымъ чинамъ монастыря. — Похвальное слово и идеальный образъ преп. Сергія. — Благотворительность Троицкой лавры въ XV—XVII стол. (нищелюбіе, Пятницкая богадѣльня и страннолюбіе). — *Ученики и собратники преп. Сергія*. — Духовническая ихъ дѣятельность. — Княжескій духовникъ. — Печалованіе и благотворительность препп. Димитрія Прилуцкаго, Павла Обнорскаго, Кирилла Бѣлоозерскаго. — Миссіонерство преп. Авраамія Чухломскаго и св. Стефана Пермскаго. — *Подвижники русскіе до ж. XV в.* Діонисій Глушицкій, Григорій Пельшемскій; (новгородско-псковскаго края) Михаилъ Клопскій и Евфросинъ Псковскій.

Съ половины XIV в. въ исторіи русскаго монашества замѣчаются новыя, небывалыя раньше явленія. Возникаетъ

¹⁾ „Помолися Богу и съѣдъ напиши свой обѣтъ смыслене, что хоцещи до смерти хранити: въ недѣли или въ мѣсяци день или два хоцещи постигися отъ брашна, или отъ питія, или обнощевати въ молитвѣ, или не бесѣдовати съ чловѣки, или изъ монастыря въ обѣтныи день не исхо-

усиленное монашеское движеніе и возникаетъ тамъ, гдѣ монастырей прежде было мало и монашество было слабо — въ суздальской землѣ и въ заволжскомъ краѣ. За сто лѣтъ съ 1340 по 1440 г.г. выстроилось до полутора ста новыхъ обителей, тогда какъ раньше за весь Кіевскій періодъ ихъ извѣстно около 70, да за столѣтіе, протекшее послѣ монгольскаго нашествія (1240—1340 г.г.), прибавилось 30. Время преп. Сергія, его учениковъ и собесѣдниковъ — самая блестящая пора въ исторіи нашего монашества. Русскіе монастыри имѣютъ теперь важныя особенности. Большая часть ихъ прежде строилась на имѣнныя князей и бояръ, а не слезами и постомъ подвижниковъ, преобладающее число ихъ были монастыри ктиторскіе. Теперь же гораздо чаще монастыри строятся самими иноками. Это значитъ, что прежде монашество насаждалось главнымъ образомъ искусственно, теперь оно растетъ органически. Въ связи съ этимъ стоитъ другое важное различіе между русскими обителями сравниваемыхъ періодовъ. „До половины XIV в. почти всѣ монастыри на Руси возникали въ городахъ или подъ ихъ стѣнами; съ этого времени рѣшительный численный перевѣсъ получаютъ монастыри, возникшіе вдали отъ городовъ, въ лѣсной глухой пустынѣ, ждавшей топора и сохи“, какъ выражается проф. В. О. Ключевскій. Съ половины XIV в. наше монашество впервые получаетъ *пустынный характеръ*, внѣшній видъ отшельничества. Но измѣнилось ли оно внутреннимъ образомъ? Поставило ли себѣ новыя задачи, начертало ли иные, неизвѣстные древнѣйшему времени, идеалы? Можетъ быть въ заботахъ о личномъ спасеніи пустынные иноки освободили себя отъ тѣхъ обязанностей служенія міру, которыя несло русское городское монашество съ XI до половины XIV вв? Нѣтъ, монашество наше не измѣнилось внутренно нисколько,—не поставило оно новыхъ задачъ, не начертало себѣ неизвѣстныхъ прежде идеаловъ и не ушло отъ обязанностей служить покинутому имъ міру.

дѣти, или милостыню ручную творити, или всяко прошеніе къ челоуѣкомъ подати (подавать всякому просящему), или гнѣвъ отдати“. (Приб. къ Твор. св. Отц. X, 349—350); ср. Макарія, Исторія, III, 154—157; Срезневскаго, Матеріалы для словаря др. русскаго языка, I, указатель сокращеній, 25. Е. Е. Голубинскій (Исторія, изд. 2-ое, I, 1, 810), сомнѣвается въ принадлежности посланія Кириллу Туровскому.

Въ русскомъ пустынномъ монашествѣ не возродилось древнее восточное анахоретство. И когда идетъ рѣчь о русскомъ отшельничествѣ, то его слѣдуетъ понимать въ очень относительномъ смыслѣ. Нисколько не преувеличивая слѣдуетъ сказать, что пустынножителство въ полномъ видѣ не удалось нашимъ древнимъ искателямъ уединенія и безмолвія. Съ половины XIV в. наблюдается на Руси любопытное явленіе, которое объясняется всецѣло историческими условіями монгольскаго времени, явленіе неизвѣстное по мѣстнымъ условіямъ на востокѣ. Его принято называть монастырской колонизаціей. Удаляясь отъ людей въ непроходимую лѣсную глушь, которая собственно и называется на древнерусскомъ языкѣ пустыней, отшельникъ недолго подвизается одинъ, „единъ единствуя“, посѣщаемый только звѣрями. Лишь только пойдетъ въ народѣ молва о немъ, затѣмъ легкимъ перомъ пронесется слава, какъ въ лѣсную пустыню къ малой келейцѣ безмолвника одинъ за другимъ собираются его будущіе сожители и сподвижники. Съ топоромъ и мотыкой (—заступъ) они трудятся своими руками, труды къ трудамъ прилагая, сѣча лѣсъ, насаждая поля, строя кельи и храмъ. Выростаетъ монастырь. И къ шуму вѣковаго лѣса, къ дикому вою и реву волковъ и медвѣдей присоединяется теперь новый, правда сначала слабый звукъ, — „гласъ звонящъ“. И какъ будто на этотъ зовъ новаго голоса, на привѣтный звонъ монастырскаго била къ обителю являкся крестьяне. Они безпрепятственно рубятъ лѣса, пролагаютъ дороги въ непроходимыхъ раньше дебряхъ, строятъ вблизи монастыря дворы и села, поднимаютъ цѣлину и *искажаютъ пустыню* и не щадятъ и превращаютъ её въ чистыя поля, какъ жалуется Епифаній Премудрый, ученикъ и жизнеописатель преп. Сергія. Безмолвіе пустыни прекращается. Истинные искатели уединенія жалуются на это, заявляя, что „молва“ (суета) въ пустынѣ не лучше городского „мятежа“ (шума), что молва эта опасна даже для совершенныхъ ¹⁾). Но пустынный монастырь всетаки остается въ сосѣдствѣ съ

1) Разумѣемъ слѣдующія строки изъ житія преп. Павла Обнорскаго: „яже бо въ пустыняхъ молва вичимъ же градскихъ мятежъ разньствууетъ, сіи бо и съвершенныхъ пакостити обычеи безстрастныхъ“. *Ркн. Во.г. Б-ки* № 659, л. 178 и об.

міромъ. Если раньше монастырь стоялъ въ самомъ городѣ или вблизи его стѣнъ, то теперь за стѣнами монастыря располагается село, которое разрастаясь превращается въ посадъ или также въ городъ. Послѣ крестьянъ въ обитель язляются христороубцы — князья или бояре, даютъ братіи обильную милостыню деньгами и припасами, дѣлаютъ богатые вклады въ монастырь угодами и селами съ людьми. Это обстоятельство грозитъ монастырю гораздо большею опасностью, чѣмъ крестьянское искаженіе пустыни. Въмѣстѣ съ стяжательностью, богатствомъ и вотчинами постепенно, а иногда и быстро, падаетъ строгая дисциплина въ обители и начинается „многмятежное міра сего житіе“.

Описанное движеніе вызвано было величайшимъ подвижникомъ русской земли, вторымъ отцомъ нашего монашества, преп. Сергіемъ Радонежскимъ, который по выраженію его жизнеописателя былъ „игуменъ множайшей братіи и отецъ многимъ монастыремъ“, а по лѣтописцу „начальникъ и учитель всѣмъ монастыремъ, иже въ Руси“ ¹⁾. Мы не видимъ никакой нужды описывать всѣмъ знакомый образъ „чуднаго старца“, „тихаго, кроткаго и смиреннаго игумена радонежскаго“. Постараемся отмѣтить только тѣ стороны его святой личности, которыя объясняютъ намъ его отношенія къ міру.

Жизнеописателя въ личности преп. Сергія поражала черта, которую онъ упоминаетъ трижды: *равная любовь ко всѣмъ*. „Бяше бо Бога возлюби всѣмъ сердцемъ своимъ и ближняго своего, яко и самъ ся; *равно бо любяше всехъ и всехъ добро творяше* и вси ему благотворяху; и къ всѣмъ любовь имяше, и вси къ нему любовь имяху и добрѣ его почитаху“ ²⁾. Равная любовь ко всѣмъ—вотъ первое обстоятельство, которое не допускало того, чтобы подвижникъ относился къ міру безучастно.

Книжный человекъ своего время, можетъ быть даже выдающийся въ этомъ отношеніи, преп. Сергій руководился въ своей подвижнической дѣятельности житіями и примѣрами древнихъ устроителей и законоположниковъ восточ-

¹⁾ *Житіе преп. Сергія*, изд. Общ. Люб. Др. П., 43 стр. *И. С. Р. Л.* VIII, 62.

²⁾ *Житіе*, стр. 35. ср. похв. слово, стр. 150, 155—156.

наго монашества. И здѣсь онъ находилъ то, что соответствовало его собственнымъ стремленіямъ. Его поражали въ древнихъ подвижникахъ не одни подвиги личнаго ихъ усовершенствованія, борьба и побѣда надъ злыми духами, но и служеніе людямъ—исцѣленіе недужныхъ, избавленіе въ бѣдахъ и въ смертныхъ опасностяхъ, помощь на путяхъ и на морѣ. Въ житіи Антонія Великаго, отца отшельническаго монашества, а также и въ житіяхъ общежителей—Пахомія, Евѣмія, Саввы Освященнаго, Θεодосія Киновіарха и другихъ, онъ видѣлъ *примѣры, обязывающіе инока къ благотворительной дѣятельности*. Названные подвижники представлялись преподобному Сергію въ такомъ видѣ: цѣлители болѣзней, „недостающимъ обильнѣи предстатели, вдовамъ и сиротамъ неистощаемое сокровище“ ¹⁾. Это чрезвычайно важный фактъ, который слѣдуетъ отмѣтить. Второго отца русскаго монашества обязанностямъ служенія міру поучали *примѣры древнихъ устроителей монашескаго житія*.

Не остались безъ вліянія на преп. Сергія и завѣты древнѣйшаго русскаго монашества, особенно *примѣръ преп. Θεодосія Печерскаго*, которому какъ образцу подражалъ въ своемъ управленіи монастыремъ радонежскій игумень. Преп. Сергій, какъ извѣстно, не былъ какимъ-нибудь новаторомъ для русскаго монашества, а только его исправителемъ или возстановителемъ. Тотъ же самый общежительный уставъ, который ввелъ въ свое время преп. Θεодосій, а послѣ него ослабили потомъ забыли русскіе монастыри, вводить и преп. Сергій въ монастыряхъ имъ основанныхъ; затѣмъ его много-

¹⁾ „Помышляше (преп. Сергій) во умѣ житія великихъ свѣтилъ, иже въ плоти живущей на земли ангельски пожиша, реку Антонія великаго Евѣмія, Савву освященнаго, Пахомія ангеловиднаго, Θεодосія общежителя и прочихъ. Сихъ житію и нравамъ удивляяся блаженный, како плотяни суще бесплотныя враги побѣдиша, ангеломъ служители быша, діаволу страшнѣи, имже цари и челоувѣки удивльшеся къ нимъ приростаху, болящегъ различными недуги исцѣльваху и въ бѣдахъ тепліи избавители и отъ смерти скоріи заступници, на путехъ и на мори не труднѣи шественицы, недостатствующимъ обильнѣи предстатели, нищимъ кормители, вдовамъ и сиротамъ неистощаемое сокровище по божественному апостолу: аки ничтожь имуще, а вся содержаще. *Сихъ житія на сердци имѣя, блаженный молящеся Св. Троици, дабы невзратно шествовати по стопамъ сихъ преподобныхъ отецъ*“. *Житіе*, 74—75 стр.

численные ученики и собесѣдники устрояютъ общее житіе въ своихъ обителяхъ; доброму примѣру ихъ слѣдуютъ и посторонніе монастыри ¹⁾). Возможно, что подражая Печерскому подвижнику въ своей монастырской дѣятельности, преп. Сергіи одушевлялся его примѣромъ и въ дѣлѣ служенія міру.

Равная любовь ко всѣмъ, обязательные примѣры служенія ближнимъ, извлеченные изъ житій устроителей христіанскаго монашества, наконецъ примѣръ преп. Θεодосія Печерскаго,—все это помогаетъ преп. Сергію стать для русской земли тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ: нравственнымъ воспитателемъ народа, инокомъ, который идеальнымъ образомъ соединилъ въ своемъ лицѣ и житіи и рѣдкую степень подвижничества и рѣдкое по высотѣ и по влиянію служеніе міру.

То значеніе, которое имѣлъ преп. Сергіи для своего времени, для политической жизни тогдашней Руси совершенно исключительно, такъ сказать неповторимо; къ тому же оно достаточно извѣстно ²⁾). И это даетъ намъ возможность прямо обратиться къ тому, что дѣлалъ на пользу міру самъ великій подвижникъ, завѣщая и братіи монастыря, а чрезъ нее и *всему русскому монашеству, дѣлать это послѣ себя и вслѣдъ за собою.*

Одинъ лихоимецъ, жившій близъ монастыря преп. Сергія, обидѣлъ бѣднаго человѣка—„сироту“ (повидимому холопа),—отнял у него, а потомъ зарѣзалъ борова. Сирота ищетъ защиты у радонежскаго игумена. Подвижникъ призываетъ обидчика, вынуждаетъ къ обѣщанію отдать деньги за отнятое и чудеснымъ образомъ принуждаетъ его исполнить свое обѣщаніе ³⁾). Рассказывая этотъ случай печалованія, Епифаній Премудрый называетъ преп. Сергія милостивымъ, утѣшителемъ скорбныхъ, заступникомъ нищихъ и помощникомъ убогихъ. Но милосердый подвижникъ, имѣвшій нравъ „милостивый, добросердый, нищелюбивый и

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ въ юбилейной рѣчи *Е. Е. Голубинскаго* О значеніи преп. Сергія въ исторіи нашего монашества., *Богосл. Вѣстн.* 1892. ноябрь.

²⁾ Надѣюсь давніе чытатели нашего журнала помнятъ рѣчь *проф. В. О. Ключевскаго* на томъ же академическомъ торжествѣ въ память 500-лѣтія преп. Сергія (Б. В. 1892 г. ноябрь),—*Значеніе преп. Сергія Радонежскаго для русскаго народа и государства.*

³⁾ *Житіе преп. Сергія*, изд. О. Л. Др. II. 138—139.

страннолюбивый“¹⁾, не только лично помогаль бѣдному, обездоленному люду; онъ заставиль ему служить и свой монастырь. Жизнеописатель рассказываетъ о введеніи общежитія въ Радонежской обители, объ установленіи монастырскихъ чиновъ, относительно умноженія монашествующей братіи и увеличенія запасовъ въ обители. Далѣе онъ сообщаетъ о благотворительности монастыря. При жизни преп. Сергія Троицкій монастырь не владѣль вѣроятно вотчинами, поэтому главнымъ источникомъ, изъ котораго почерпались средства благотворить, служили приносы мірянъ. „И елика въ обители приносимая умножахуся, толма паче страннолюбная возрастаху, читается далѣе въ житіи: и никто бо отъ немущихъ, въ обитель приходя, тщама рукама отхождаше, николи жъ блаженный оставляше благотворенія и служащимъ въ обители заповѣда: нищихъ и странныхъ довольно упокоевати и подавати требующимъ, глаголя: „аще сію мою заповѣдь сохраните безъ роптанія, мзду отъ Господа примете, и по отхожденіи моемъ отъ житія сего обитель моя зѣло распространится, и въ многи лѣта неразрушима постоитъ благодатию Христовою“. И тако бѣ рука его простерта къ требующимъ, яко рѣка многоводна и тиха струями“. Въ зимнее время—въ крѣпкіе морозы и сильныя метели заѣхавшіе въ монастырь путники проживали столько времени, сколько продолжалась непогода, получая полное содержаніе отъ монастыря. Этого мало. *Заповѣдь преп. Сергія обнимала и уходъ за больными.* „Странніи же и нищии и отъ нихъ въ болѣзни сущи, на многи дни препочиваху въ довольнономъ упокоеніи и пищи, ея же кто требоваху, неоскудно по заповѣди святого старца, и до нынѣ симъ тако бывающимъ“. Когда около монастыря проложена была большая дорога отъ Москвы къ Ростову и пошло оживленное движеніе, въ обитель преп. Сергія заѣзжало особенно много путниковъ. Князья и воеводы заходили сюда съ отрядами войска и всѣ получали пищу и питье. Съ радостью, какъ увѣряетъ жизнеописатель, „служашіе въ обители“ подавали всѣмъ изобильно²⁾.

¹⁾ *Похвальное слово*, Тамъ же, стр. 148.

²⁾ *Житіе*, 108—109; Ср. *Симона Азарьина*, Книга о новоявленныхъ чудесахъ, 14 стр.

Присмотримся къ этому важному свидѣтельству. Изъ него прежде всего мы видимъ, что преп. Сергій *самъ лично* занимался дѣлами, связанными съ благотворительностью, и не покидалъ ихъ изъ предпочтенія какому-либо другому дѣлу („никогда жъ блаженный оставляше благотвореніе“). Далѣе. Авторъ житія, современникъ и ученикъ преподобнаго, помѣщаетъ описаніе той организаціи, которую получила благотворительность въ обители, непосредственно за разговоромъ о введеніи общежитія въ монастырѣ, даже, точнѣе будетъ сказать, въ одномъ отдѣлѣ „о составленіи общаго житія“. Это значитъ, что организацію благотворительности онъ представляетъ естественнымъ продолженіемъ заботъ великаго подвижника по устроенію обители, самую благотворительность въ перечисленныхъ видахъ—*неотъемлемой чертой общежительнаго строя монастыря*. И дѣйствительно: взаимная связь двухъ частей разсказа самая твердая и естественная. Введя общежительный уставъ, учредивъ необходимыхъ въ устроенной киновіи чиновъ—*по службамъ*: келаря, служащихъ въ поварнѣ и въ хлѣбной, больничныхъ старцевъ—, еже немощнымъ служити со всякимъ прилежаніемъ“, и другихъ, а *для церкви* уставивъ своихъ чиновъ: еkkлесіарховъ съ помощниками и прочихъ, преподобный налагаетъ на служебныхъ чиновъ монастыря кромѣ внутреннихъ монастырскихъ дѣлъ и обязанности къ мірянамъ—страннолюбіе, нищелюбіе и уходъ за больными, вѣроятно сообразно съ функціей того или иного чина, напр. уходъ за больными бѣдняками изъ мірянъ онъ налагаетъ на больничныхъ старцевъ и проч. Подвижникъ не ожидалъ особеннаго усердія со стороны братіи въ этомъ дѣлѣ и тѣмъ настойчивѣе даетъ онъ свое предписаніе. Въ формѣ игуменской или старческой заповѣди, которая, какъ извѣстно, „имѣетъ обязательную силу“, онъ даетъ это предписаніе служебнымъ чинамъ своей обители. Поступая такъ, онъ нисколько не сомнѣвается, что воля его будетъ исполняться, пока монастырѣ будетъ его монастыремъ, но очевидно и не ожидаетъ охотности въ соблюденіи заповѣди; предвидитъ, что своею принудительностью она будетъ тяготить экономныхъ келарей или скупыхъ казначеевъ. Вотъ почему преп. Сергій общаетъ за исполненіе своей заповѣди безъ роптанія тѣми, кому она дана,—„обитель моя зѣло распространится и въ многи лѣта

неразрушима постоитъ“, связывая такимъ образомъ процвѣтаніе и судьбу своей обители съ исполненіемъ этой заповѣди.

Какъ принята была заповѣдь въ обители, мы не знаемъ точно. Но только велѣдъ за приведеннымъ разказомъ Епифаній Премудрый повѣствуетъ о возстаніи въ монастырѣ противъ „старѣйшинства Сергіева“ и объ удаленіи игумена на рѣку Киржачъ. Таже самая братія, которая раньше съ такою настойчивостью принуждала преподобнаго принять игуменство, ропщеть на него, даже возстаетъ, присоединяется къ родному брату его Стефану, искавшему кажется игуменства, и заставляеть подвижника уйти изъ своего монастыря. Что вызвало ропоть и возстаніе, по житію неясно ¹⁾. Самое естественное думать, что все преобразование монастыря въ строгое общежитіе, а въ частности и обязательная благотворительность вызвали неудовольствіе братіи. Но вернувшись на игуменство въ радонежскую обитель, преп. Сергій настоялъ на введеніи общежительнаго устава, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на исполненіи своей заповѣди. Это ясно изъ того, что когда писалось житіе преп. Сергія, 26 лѣтъ спустя послѣ его смерти, благотворительная дѣятельность обители процвѣтала, какъ говоритъ о томъ Епифаній (см. выше:... „и донинѣ симъ тако бывающимъ“). Симонъ Азарыинъ, келарь Троицкой лавры, свидѣтельствуеть, что въ его время, въ половинѣ XVII в., заповѣдь преп. Сергія о благотворительности соблюдалась нерушимо ²⁾. Есть мнѣніе, что самъ преподобный устроилъ ту богадѣльню для приѣма увѣчныхъ и больныхъ, которая существовала послѣ при Введенской церкви ³⁾.

Въ похвальномъ словѣ преп. Сергію длиннымъ рядомъ эпитетовъ, приложенныхъ къ святому, тотъ же Епифаній Премудрый, описываетъ подвижника какъ общественнаго дѣятеля ⁴⁾. Нѣкоторые эпитеты оправдываются приведенными

¹⁾ См. *Е. Е. Голубинскій*, Преп. Сергій Радонежскій и созд. имъ Троицкая лавра, стр. 33—35 и прим. 37 на стр. 91—92.

²⁾ *Симонъ Азарыинъ*, 14 стр.

³⁾ *Иером. Арсеній*, Христорождественская церковь въ Сергіевскомъ Посадѣ. Ч. О. И. и Др. 1991 г. III кн. 11 стр. Ср. *Е. Е. Голубинскій*, Преп. Сергій Радонежскій, 31.

⁴⁾ „Сиротамъ акы отецъ милосердъ, вдовницамъ яко заступникъ телъ,

выше данными житія, другіе даютъ новый матеріалъ, а всё въ совокупности они рисуютъ обширную, многостороннюю и даже систематическую дѣятельность подвижника среди мірянъ. Дѣятельность эта направлялась къ возстановленію правды и справедливости въ обществѣ обличеніемъ грабителей и насильниковъ, заступничествомъ за обиженныхъ вдовъ, выкупомъ плѣнныхъ, должниковъ и рабовъ,—къ облегченію участи нищихъ милостыней, недужныхъ уходомъ, къ насажденію въ христіанскомъ обществѣ милосердія (печалованіемъ), взаимнаго мира, христіанскаго смиренія, трезвости. Есть въ похвальномъ словѣ указаніе на учительную дѣятельность преп. Сергія среди мірянъ и намекъ на духовничество ¹⁾. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ совершенно естественно возраженіе, что похвальное слово—недостаточно надежный историческій источникъ, что въ длинномъ рядѣ эпитетовъ слѣдуетъ видѣть плодъ неудержимаго краснорѣчія премудраго агіографа, а вовсе не историческія черты въ личности преп. Сергія. Нельзя не согласиться отчасти съ подобнымъ возраженіемъ. Возможно, что Епифаній въ разсказѣ о служеніи міру преп. Сергія отчасти *прибавляетъ* черты, которыхъ самъ же онъ не отмѣтилъ въ его житіи и которыхъ можетъ быть не было въ дѣйствительности. Но этимъ путемъ мы получаемъ новый немаловажный фактъ. Получаемъ именно, что въ такомъ литературномъ образѣ,

---

печальнымъ утѣшеніе, скорбящимъ и сътужимъ радостотворецъ, ратующимся и гнѣвающимся миротворецъ, нищимъ же и маломощнымъ сокровище неоскудное, убогимъ неимущимъ повседневноя пища великое утѣшеніе, болящимъ въ мнѣзѣхъ недузѣхъ посѣтитель, изнемогающимъ укрѣпленіе, малодушнымъ утверженіе, безвременнымъ печальникъ, обидимымъ помощникъ, насильствующимъ и хищникомъ крѣпко обличитель, сущимъ въ плѣневѣн отпущеніе, въ работахъ сущимъ освобожденіе, въ темницахъ въ узакъ держимымъ избавленіе, должнымъ искупленіе, просящимъ подаваніе, пѣвицамаъ истрезвѣніе, горделивымъ цѣломудріе, чужая грабящимъ востягнувеніе, лихоимцемъ возбранникъ, грѣшникомъ кающимся вѣрныи поручитель и всѣмъ притекающимъ къ нему акы къ источнику благопотребну“. (*Житіе прп. Сергія*, изд. О. Л. Др. П., 149). Ниже читаемъ: „многихъ научи душеполезными словесы и на покаянiе къ Богу обрати“. (*Тамъ же*, стр. 151).

¹⁾ „Многихъ научи душеполезными словесы и на покаянiе къ Богу обрати“ (стр. 151)... „грѣшникомъ кающимся вѣрныи поручитель“. (стр. 149). Это единственныя и не совсѣмъ твердыя свидѣтельства по вопросу о духовничествѣ преп. Сергія среди мірянъ.

или въ идеальномъ образѣ всесторонняго благотворителя отецъ великорусскаго монашества является въ представленіи его непосредственныхъ учениковъ. Память о немъ въ потомствѣ хранилась въ такомъ видѣ. А это, разумѣется, направляло въ соотвѣтствующую сторону древнерусскіе идеалы монашества, отражалось на жизни лучшихъ монастырей и въ житіи лучшихъ подвижниковъ.

Въ лаврѣ преп. Сергія живѣе, чѣмъ гдѣ-либо, хранилась такая память объ основателѣ; долгое время болѣе или менѣе твердо соблюдались здѣсь его завѣты. Когда умиралъ преп. Никонъ († 1427 г.), преемникъ Сергіевъ по игуменству, въ своемъ поученіи братіи онъ много говорилъ о „безмолвіи, матери добродѣтели“, потомъ о „человѣколюбіи слово приложи рекъ: аще есть мощно, ни единого приходящихъ тщама отпустити рукама, да не како утайтєся вамъ Христа презрѣти, единого отъ просящихъ видомъ показавшєся“ (т. е. чтобы не случилось вамъ по незнанію презрѣть Христа, явившагося въ образѣ нищаго) ¹⁾. Не ясно ли, что преп. Никонъ раздѣлялъ воззрѣнія своего святого наставника относительно обязанности нищелюбія? Кормленіе нищихъ, снабженіе ихъ потребнымъ было постояннымъ дѣломъ Радонежскаго монастыря. И не столько считаясь съ наличностью своихъ запасовъ, сколько откликаясь на степень народной, мірской нужды, Сергіева обитель то усиливала, то ослабляла свою благотворительность. Въ тяжелые годы смутнаго времени монастырь преп. Сергія прославился не только своею патріотическою дѣятельностью, но и широкой благотворительностью для народа, разореннаго смутой, не смотря на то, что разореніе сильно отразилось и на хозяйствѣ самого монастыря. „Нагимъ одежда бысть, говоритъ Симонъ Азарьинъ о Троицкой Лаврѣ, страннымъ упокоеніе, нищимъ и гладнымъ прекормленіе, отъ мраза изгибающимъ теплое утѣшеніе, страннымъ и раненымъ и конечно издыхающимъ отпускъ отъ сего свѣта съ напутствіемъ вѣчнаго живота, мертвымъ же погребеніе бываше“ ²⁾.

Еще въ XV в., близко ко времени преп. Никона, подъ монастырскою горой „на Подолѣ“ построена была Введенская церковь, которая по придѣлу въ честь великомученицы Параскевы

¹⁾ *Житіе преп. Никона*, изд. въ Москвѣ въ 1646 г., л. 188 об.

²⁾ *Симонъ Азарьинъ*, 18 стр.

скевы называется Пятницкой. Церковь служила приходскимъ храмомъ для слугъ и служебниковъ монастыря, поселившихся по рѣчкѣ Кончурѣ. При церкви Введенія чуть ли не вмѣстѣ съ ея построеніемъ возникъ домъ призрѣнія для нищихъ, точнѣе для увѣчныхъ—„лежней“,—для тѣхъ больныхъ нищихъ, которые не въ силахъ ходить по сбору милостыни. Этотъ домъ призрѣнія носилъ еще названіе *богадѣльни или больницы*: а вся группа строеній—двѣ церкви съ богадѣльней—называлась *Подольнымъ монастыремъ*. Такими интересными чертами описываетъ связь между лаврою и приютившимся около нея Подольнымъ монастыремъ мѣстный историкъ: „богослуженіе отправляли (свои) приходскіе священники; а попеченіе о странныхъ, нищихъ и больныхъ лежало на обязанности монаховъ“. Иноки здѣсь были смотрителями и строителями, „подольными старостами“. „Введенская подольная церковь первоначально носила названіе приходской церкви и *богадѣльнаго монастыря*“¹⁾. Такъ монастырь преп.

¹⁾ *Иер. Арсеній*, Введенская и Пятницкая церковь въ Сергіевомъ Посадѣ, Ч. О. И. и Др. 1894, 4 т. стр. 3—4. Ср. *Е. Е. Голубинскій*, Преп. Сергій Радонежскій и созданная имъ Троицкая лавра, 263—264 стр. Дальнѣйшая *исторія троицкой богадѣльни* такова. Въ 1547 г. при построеніи каменныхъ церквей Введенской и Пятницкой (вмѣсто одной деревянной—Введенской) ее причислили къ этой послѣдней и перевели на то мѣсто, гдѣ теперь стоитъ построенный въ 1892 г. страннопріимный домъ лавры. На этомъ же мѣстѣ „возлѣ Пафнутіева сада“ упоминается эта богадѣльня въ 1737 г. съ двумя отдѣленіями—мужскимъ и женскимъ, каждое по 50 кроватей. Не разъ она горѣла. Здѣсь мужская богадѣльня простояла до 1770 г., затѣмъ переведена на Вознесенскую гору „не въ отдаленіи отъ Вознесенской церкви и большой дороги“, гдѣ уже находилась богадѣльня женская. Въ 1789 ветхое зданіе мужской богадѣльни было продано и построено новое съ отдѣленіемъ для женской „противъ Рождественской церкви въ лицію съ лавками“, близъ нынѣшняго дома призрѣнія.—Когда-то, не позже только первой половины XVI стол., на Подоль былъ *открытъ настоящій монастырь*. Судьба этого монастыря (при Пятницкой собственно церкви) слѣдующая. Первый разъ онъ упоминается въ 1547 г. Во второй половинѣ XVI в. былъ закрываемъ. Незадолго до прихода поляковъ былъ возстановленъ. Во время осады померло 22 его монаха, укрывшіеся въ лаврѣ, а монастырь былъ выжженъ. Возстановленъ онъ до 1641 г., но уже женскимъ, а не мужскимъ. Въ 1660 году обращенъ въ приходскую церковь, а старицы переведены въ Хотьковъ. Въ недавнее время лавра присоединила Пятницкую церковь къ себѣ и пятницкій приходъ закрыть. См. *Арсеній*. О службахъ Троицкаго монастыря, Ч. О. И. и Др. 1867, III, 8: Пятницкая церковь, 5—6; *Е. Голубинскій*, 261, 265.

Сергія самымъ дѣломъ исполнялъ заповѣдь святого—покоить „на многи дни“ нищихъ „и тѣхъ нхъ въ болѣзми сущихъ“...

Богомольцевъ, которые приходили по вся годы на поклоненіе мощамъ чудотворца, „не бѣ числа“, какъ передаетъ Симонъ Азаринъ, келарь Троицкой лавры. И эти посѣтители лавры, если не безчисленные, то несчитанные, всѣ почитались гостями преп. Сергія и его обители, получали отъ нея полное содержаніе во время богомолья, подарки и необходимое продовольствіе на путь. „И аще кто восхоцеть увѣдати и сія поистиннѣ, пишетъ Симонъ, и той изъ монастырскихъ книгъ келарскія и казенныя службы выписавъ, и увѣрится истинно, како честь и дары примають и на путь емлютъ“. Дары, какими чествовались наиболѣе знатные гости, были вѣроятно значительны. По крайней мѣрѣ заѣзжихъ греческихъ іерарховъ осуждали въ XVII стол. за то, что они ѣздить въ Троицкую обитель, чтобы принимать дары, въ другіе же монастыри, гдѣ такихъ даровъ не давали, они и не заглядывали ¹⁾. Неизвѣстно, давались ли подарки простымъ гостямъ преподобнаго. Но несомнѣнно, что *всѣ богомольцы* питались отъ щедротъ монастыря. Въ народѣ сложилось предположеніе, будто въ монастырѣ есть такой мѣдный горшокъ, который готовилъ безъ излишка и недостатка именно столько постнаго кушанья, сколько было нужно для несчитанныхъ тысячъ гостей, пришедшихъ на праздникъ въ обитель ²⁾. Такъ исполнялась прежде въ обители заповѣдь страннолюбія ³⁾.

Многочисленные ученики и собесѣдники преп. Сергія, представлявшіе цвѣтъ русскаго монашества конца XIV и начала XV в., не измѣнили нисколько тѣмъ идеаламъ иночества и тѣмъ формамъ служенія міру, какія завѣщаль имъ великій подвижникъ. Подмѣчено, что подъ „воспитательнымъ руководствомъ (преп. Сергія) лица не обезличивались, личныя свойства не стирались, каждый оставался самъ собой и, становясь на свое мѣсто, входилъ въ составъ слож-

¹⁾ *Симонъ Азаринъ*, 3—4, стр. 2 стр.

²⁾ *Герберштейнъ*, Записки о Московіи, рус. пер. Анонимова, стр. 68.

³⁾ Читатель можетъ предположить, что свою рѣчь мы направляемъ противъ современной лавры преп. Сергія. Но ниже онъ самъ увидитъ, что своею исторической справкой мы вовсе не имѣемъ въ виду судить и осуждать великую лавру.

наго и стройнаго цѣлаго“¹⁾. Дѣйствительно, изъ самостоятельной ихъ жизни и дѣятельности мы видимъ, что ученики преп. Сергія (тѣмъ болѣе собесѣдники) были лично представителями не одного, а разныхъ видовъ христіанскаго подвижничества. Но между ними много общаго. Тѣ изъ нихъ, которые сами построили обители, непременно вводили въ нихъ тотъ же общежительный уставъ, что и преп. Сергіи, а вмѣстѣ съ общежительнымъ строемъ, какъ составную его часть, и тѣ формы служенія міру, которыя установилъ своею заповѣдью и освятилъ своимъ примѣромъ радонежскій подвижникъ. Къ тому же и Троицкій монастырь вліялъ своимъ примѣромъ; для младшихъ обителей онъ былъ приблизительно тѣмъ же, чѣмъ преп. Сергіи для своихъ учениковъ: „великая лавра“—такъ называлась Троицкая обитель въ отношеніи къ монастырямъ учениковъ и собесѣдниковъ Сергія.

Пастырство среди мірянъ для подвижниковъ, вышедшихъ изъ школы преп. Сергія, было обычнымъ дѣломъ. Многіе изъ нихъ несомнѣнно состояли духовниками у князей и вѣроятно у менѣе знатныхъ вѣрующихъ. Стефанъ, родной братъ преп. Сергія, былъ духовнымъ отцемъ московскаго князя Симеона Гордаго²⁾; братаничъ преподобнаго (племянникъ по брату, сынъ того же Стефана) Феодоръ, архимандритъ Симоновскій — духовный отецъ Димитрія Донскаго и тысяцкаго³⁾. Преп. Савва Сторожевскій былъ духовникомъ князя Юрія Дмитріевича Звенигородскаго⁴⁾; преп. Кириллъ Бѣлоозерскій—князя Андрея Дмитріевича Можайскаго⁵⁾; преп. Никонъ—Владимира Андреевича Серпуховскаго⁶⁾.

Выгодна и почетна была въ древней Руси должность княжескаго или великокняжескаго духовника. Она служила для рядовыхъ людей вѣрной ступеню на той служебной лѣстницѣ, которою восходили они на епископское сѣдалище, и потому являлась предметомъ исканій и домогательствъ. Но

1) Проф. В. О. Ключевскій, Рѣчь о значеніи преп. Сергія, Бог. Вѣстн. 1892 г., ноябрь, 197.

2) Житіе преп. Сергія, 41—42; Житіе митр. Алексія, Изд. Общ. Л. Др. П., 14.

3) Никон. Лѣтоп. IV, 92; П. С. Р. Л. VIII, 32. Ср. Ключевскій, Житія святыхъ, стр. 109.

4) Житіе преп. Саввы, ркп. Волок. Б—ки, № 381, л. 126 и об.

5) Ист. Рос. Цер. IV, 418, Духовная преп. Кирилла.

6) Собр. Госуд. Гр. и Догов. I, стр. 79.

для истиннаго подвижника Христова, который ничего не искалъ, никогда не былъ златоносцемъ и хотѣлъ навсегда остаться въ нищетѣ, эта почетная придворная должность служила порою источникомъ столкновеній и огорченій. Любопытный фактъ разсказывается въ житіи ученика Кирилла Бѣлоозерскаго преп. *Мартиніана* († 1483 г.). Василій Темный поставилъ его игуменомъ Троице-Сергіева монастыря и выбралъ въ духовные отцы себѣ. Въ то время одинъ бояринъ перешелъ отъ московскаго князя на службу къ тверскому. Василію было жаль и досадно лишиться слуги и онъ изыскивалъ средства вернуть его къ себѣ. Обращается онъ къ преп. Мартиніану, просить его содѣйствовать возвращенію боярина на Москву, обѣщая тому честь и богатство. При содѣйствіи подвижника бояринъ вернулся, но вѣроломно былъ взятъ подъ арестъ. Узнавъ о происшедшемъ, преподобный является къ князю „съ великою печалію“. „И рече: тако ли, самодержавный князь великій, и ты праведно судити научился еси? Почто еси душу мою грѣшную продалъ и послалъ еси во адъ? Почто еси боярина того, ижъ мною призваннаго и душею моею, оковати повелѣлъ и слово свое преступилъ“? Преподобный лишаетъ благословія князя и его княженіе и налагаетъ свое духовническое запрещеніе. Затѣмъ немедленно уѣзжаетъ въ монастырь. Василій былъ смущенъ и созналъ свою неправду. Но какъ бы съ гнѣвомъ онъ началъ говорить боярамъ: „бояре! смотрите черныца того болотнаго,—что ми сотвори? Напрасно (неожиданно) вшедъ въ храмину мою и обличи и Божіе благословіе снять и безъ великаго мя княженія постави!“ Далѣе князь признается предъ боярами въ своей винѣ, приглашаетъ ихъ ѣхать къ Живоначальной Троицѣ,—„та насъ разгрѣшитъ“ (проститъ нашъ грѣхъ). Онъ снимаетъ опалу съ того боярина и, „очи ему давъ“, сдѣлалъ его своимъ приближеннымъ. Въ монастырѣ великій князь испрашиваетъ себѣ прощеніе и разрѣшеніе у своего духовнаго отца. Препод. Мартиніанъ благословилъ князя честнымъ крестомъ „и самъ отъ него прощеніе взять“. Послѣ того князь Василій больше прежняго сталъ любить своего духовнаго отца, ни въ чемъ его не оскорблялъ, слушалъ во всемъ и почиталъ ¹⁾. Вотъ какое геройство, кото-

¹⁾ *Житіе преп. Мартиніана Бѣлоозерскаго*, Ркп. Вол. Б.—ки, № 564, л. 234 об.—238.

рое замѣтно удивляетъ жизнеописателя преп. Мартиніана, требовалось иногда отъ княжескаго духовника.

Въ этомъ разсказѣ вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ превосходный примѣръ печалованія древнерусскаго подвижника за неправедно осужденнаго ¹⁾).

Печалованіе и благотворительность были едва ли не самыми излюбленными формами служенія міру со стороны подвижниковъ того времени. О преп. *Димитріи Прилуцкомъ* († 1392 г.) въ его житіи говорится: „Никогда же блаженный не измѣни правила молитвеннаго, но убо труды къ трудомъ прилагая, смѣшая постъ съ милостынею, страннѣхъ пріимая и кормлю подавая требующимъ“. Положеніе обители при большой дорогѣ къ Бѣлому морю содѣйствовало особенно развитію страннолюбія. „Бяше на распутияхъ мнозѣхъ обитель святаго мимоходящимъ отъ града даже и до великаго моря окіяна. Бяше же (преподобный) нагимъ одежда, печальнымъ утѣшеніе, бѣднымъ помогаю и отъ напастей изимая, больныхъ молитвою исцѣляя, должнымъ искупленіе подавая и самъ долги отпуцая, грѣшнымъ на покаяніе учитель и всѣмъ хотя спастися“. Братія монастыря, какъ это было обычно, не сочувствовала благотворительной расточительности игумена. „Иногда же и отай братіи (тайно отъ братіи) милостыню подаю убогимъ, дабы роптаніемъ братія мзды не погубили. Самъ же ризную худость толику любя, яко единъ отъ убогихъ сый; едину одежду нося на себѣ и зимѣ и лѣтѣ“ ²⁾). О печалованіи подвижника говорится „и отъ насилія, отъ злыхъ судій бѣдою одержимыхъ, точію словомъ своимъ избавляя“. Преподобный защищалъ и рабовъ отъ насилія господъ, не останавливаясь предъ обличеніемъ. Одинъ богатый челоуѣкъ прислалъ въ Прилуцкій монастырь пищу и питье. Димитрій не принялъ дара и сказалъ благотворителю: „отнеси сія въ домъ свой, еже намъ принеслъ, и, яже суть рабы и сироты въ твоёмъ дому, тѣхъ питай, да не погибнуть голодомъ и жажею и наготою, и тѣхъ избытки (что останется) нашей нищеть донеси, да будещи совершенъ милостивецъ и вмѣнитъ ти Господь Богъ въ правду“ ³⁾).

¹⁾ Съ этой стороны приведенный разсказъ уже оцѣненъ въ изслѣдованіи проф. В. *Маликина*, *Старецъ Филоевъ и его посланія*, 717—718.

²⁾ Матеріалы для исторіи русской церкви. Харьковъ 1863, II, 62.

³⁾ Тамъ же, 63 Въ похвальному слову препод. Димитрію говорится:

Преп. *Павель Обнорскій* († 1429 г.) былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ подвижниковъ древней Руси. Изъ учениковъ преп. Сергія онъ въ бѣльшей степени, чѣмъ кто-либо другой, былъ склоненъ къ безмолвію, къ отшельничеству, къ полному уединенію. Ему пришлось устроить общежительный монастырь и управлять имъ, но подвижникъ остался отшельникомъ, приходя въ обитель только для богослуженія на субботы и воскресенья. Строжайшее подвижничество Павла Обнорскаго характеризуется словами его житія: „вся жизнь его постъ бѣше“, „всегдашній постъ, присная молитва“¹⁾. Тѣмъ интереснѣе знать, какъ смотрѣлъ этотъ *сохранитель-отшельникъ* на обязанности инока относительно мірянъ. Жизнеописатель отмѣчаетъ, что преп. Павель „благоприступенъ приходящимъ къ нему и учителенъ“²⁾ Духовнымъ отцемъ мірянъ онъ не былъ конечно только потому, что не имѣлъ священнаго сана. Еще въ міру преподобный отличался ницелюбіемъ³⁾. Монастырю же своему благотворительность онъ вмѣнилъ въ непремѣнную обязанность и это выразилъ въ своемъ *уставѣ*, содержаніе котораго изложено въ житіи. „И въ рукодѣліи повелѣ комуждо тружатися, да не токмо отъ своихъ трудовъ свой хлѣбъ снѣдаютъ, но да и о нищихъ любовь показываютъ“. Милостыня представляется преп. Павлу средствомъ обнаруженія любви къ ближнимъ и нужна была въ этомъ смыслѣ самимъ инокамъ⁴⁾. Итакъ, этотъ

„Радуйся милостыни рачитель... Радуйся умъ свой къ Господу имѣя и сердце пригвождая въ молитвахъ день и ночь, радуйся болящимъ врачъ и скорый посѣтитель, радуйся вдовицамъ питатель, сиротамъ же и нищимъ и страннымъ и безкровнымъ тихое пристанище“ (*Тамъ же*, 75—76).

Преп. *Евоимій Суздальскій* († 1404 г.) извѣстенъ также своею благотворительностью. Но его поздній жизнеописатель, характеризуя подвижника съ этой стороны, дословно списываетъ приведенныя выдержки изъ житія Димитрія Прилуцкаго, только съ необходимыми выпусками, (*Житіе преп. Евоимія*, Ркп. Вол. Б—ки № 628, л. 66 об. — 67). Въ похвальномъ словѣ (*Тамъ же*, 76 об.—77 об.) подобныя же заимствованія изъ похвалы преп. Димитрію.

¹⁾ *Житіе преп. Павла*. Ркп. Вол. Б—ки, № 659, лл. 195, 208.

²⁾ *Тамъ же*, л. 192 об.—193.

³⁾ *Тамъ же*, л. 204. „Нищимъ милостыню съ тщаніемъ подая, бѣше бо зѣло милостивъ“.

⁴⁾ *Тамъ же*, л. 188 об.—189. Преп. *Стефанъ Махрицскій* († 1406), собесѣдникъ преп. Сергія, поступалъ именно такъ, какъ предписывалъ въ своемъ уставѣ Павель Обнорскій. Питался трудами своихъ рукъ, „отъ избытка

подвижникъ легко соединяетъ въ своемъ лицѣ строгаго отшельника, учителя народа, нищелюбца или благотворителя.

Преп. Кириллъ Бѣлоозерскій († 1427 г.) представитель разныхъ видовъ христіанскаго подвижничества. Временно онъ юродствовалъ, или принималъ подвигъ безмолвія. Но сверхъ того преп. Кириллъ былъ организаторомъ знаменитаго общежительнаго монастыря, который въ заволжскомъ краѣ имѣлъ приблизительно то же значеніе, какое въ своихъ мѣстахъ монастыри Печерскій и Троице-Сергіевъ. Въ немъ и въ отшельничьихъ кельяхъ бѣлоозерскихъ лѣсовъ выросло то новое направленіе, которое носитъ имя заволжскаго, направленіе созерцательное, поставившее для монашества новыя задачи, по своему понимавшее его идеалы. Рѣчь о немъ еще будетъ впереди, а теперь мы посмотримъ только на преп. Кирилла и его монастырь въ отношеніи къ міру. Бѣлоозерскій монастырь при жизни основателя сдѣлался питателемъ своего края въ голодное время. „По нѣколицѣхъ же лѣтѣхъ бывшу гладу въ людехъ немалу. И таковаго ради утѣсненія нужды мнози отъ неимушихъ прихождаху въ обитель святого нужды ради глада. Святыи же повелѣваше даяти хлѣбы просящимъ къ тѣхъ насыщенію и тако даяху по вся дни нищимъ хлѣба довольна... Слышавше окрестъ тоя обители живуще челоуѣци, яко питають приходящихъ глада ради, и сего ради множайши начаша приходити и тамо насыщатися. Но елико брашна взимаху отгуду, толико паче множахуся и преизобиловаху... И тако малыми брашны препитаеша людіе мнози“¹⁾. Благотворительная дѣятельность монастыря проявлялась и по смерти святого. Игуменъ Христофоръ (1428—1433) „многихъ отъ плѣнныхъ искупивъ, на своихъ мѣстѣхъ пакн насадивъ“ (поселивъ)²⁾. При слѣдующемъ игуменѣ Трифонѣ (до полов. XV в.), когда монастырь строилъ церковь и матеріальныя средства его были напряжены, случился въ краѣ большой голодъ. Многіе начали приходить въ обитель, нища пропитанія. Здѣсь никому не отказывали и особенно заботливо питали голод-

же питаль странныхъ и нищихъ“. *Ист. опис. Махрищскаго монастыря*. М. 1852, стр. 6.

1) *Житіе преп. Кирилла*, Ркп. Вол. Б—ки № 645 л. 430 об.—431.

2) Ради благочестиваго игумена ки. Юрій Дмитріевичъ Звенигородскій отпускаетъ однажды весь полонъ. *Тамъ же*, 458 и об.

ныхъ дѣтей. Но экономный келарь, „умалень бывъ вѣрою“, сталъ бояться, что у монастыря не хватитъ средствъ на всѣхъ: прокормиться самой братіи, содержать рабочихъ и пропитать голодныхъ; служебные чины обители стали уменьшать выдачу милостыни. Тогда запасы дѣйствительно начали быстро убавляться. Игумень рѣшилъ питать всѣхъ приходящихъ и въ Бѣлоозерскомъ монастырѣ кормилось ежедневно 600 человекъ и больше до новаго хлѣба ¹⁾. Грозный писалъ въ Кириловъ монастырь въ своемъ знаменитомъ посланіи: „Кириловъ доселѣ многія страны препитывать въ гладныя времена“ ²⁾.

Одинъ изъ учениковъ преп. Сергія является миссіонеромъ, утвердителемъ христіанства среди двоевѣровъ крещеннаго уже края,—это преп. *Авраамій Чухломской* († 1375 или позднѣе). Населеніе, ближайшее къ его пустынному монастырю, держалось языческихъ суевѣрій вѣрило и обращалось къ волхвамъ. Къ подвижнику, какъ къ волхву, стали приводить своихъ больныхъ для леченья. Онъ поучаетъ правовѣрующихъ „оставить волшебную прелесть“ и совершаетъ нѣсколько чудесныхъ исцѣленій. Чудеса преп. Авраамія утверждаютъ двоевѣровъ въ христіанствѣ, такъ что нѣкоторые изъ нихъ даже постригаются въ его монастырѣ ³⁾. А изъ собесѣдниковъ преп. Сергія вышелъ не повторившійся еще на Руси миссіонеръ, истинный апостоль Христовъ, св. *Стефанъ Пермскій* († 1396), который въ монастырѣ приготовилъ себя къ своему служенію и въ санѣ іеромонаха положилъ основаніе христіанства среди зырянъ. Труды св. Стефана слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы описывать ихъ здѣсь ⁴⁾.

¹⁾ Тамъ же, 462 об.—463.

²⁾ *Акты Ист.* I, 383.

³⁾ *Житіе преп. Авраамія*, Ркп. Тр. Лавры № 625, лл. 310, 311 об. 321 об.—323. Подвижникъ поучаетъ братію предъ смертью: „страннолюбія не забывать“ (*Тамъ же*, л. 330).

⁴⁾ Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы не станемъ говорить о древнерусскихъ инокѣхъ - миссіонерахъ. Напомнимъ только теперь читателю, что участіе монашества въ дѣлѣ распространенія христіанской вѣры на нашемъ сѣверѣ до XVII в. было гораздо болѣе значительно, чѣмъ участіе іерархіи. Древніе подвижники сѣвернаго края точно взяли на себя эту прямую обязанность духовенства—церковной власти, очевидно и не подозревая, что миссіонерство дѣло постороннее монашеству и не входитъ въ его задачи.

Вотъ тѣ свѣдѣнія относительно служенія міру учениковъ и собесѣдниковъ преп. Сергія Радонежскаго, какія мы находимъ въ житіяхъ ихъ. Ясно, что тѣ и другіе ни на шагъ не отступили отъ завѣтовъ своего святаго руководителя.

Этого направленія русское монашество согласно держалось до второй половины XV в.

Преп. *Діонисій Глушицкій* († 1437 г.), котораго можно признавать представителемъ струи монашества, шедшей изъ Московскаго края, одинъ изъ выдающихся подвижниковъ—благотворителей: „изряднее нищелюбіе стяжа“. Своему ученику преп. Григорію Пельшемскому онъ даетъ примѣчательное наставленіе: „сотвори умъ твой съ всѣмъ тщаніемъ единаго Бога искати и прилежати въ молитвѣ. *И паче подвижемся помогати нищимъ и сиротамъ и вдовицамъ,*—дондеже время имаши, дѣлай благая“¹⁾. При жизни преп. Діонисія „въ тажъ лѣта гладна бысть страна та“. Въ обитель преподобнаго приходитъ много народа за хлѣбомъ, „творяше бо (преподобный) милостыню неоскудно просящимъ. Они же болма начаша приходити. Преподобный же никакоже стужа, но болма даяше“. Экономъ монастыря указываетъ подвижнику на оскуднѣніе запасовъ. Но тотъ, „понося эконому“, даетъ наставленіе о милостынѣ безъ всякаго расчета и указываетъ, что не за что иное, какъ за немилосердіе, Господь будетъ карать на страшномъ судѣ своемъ, ничто другое, какъ милостыня, поможетъ инокамъ на судищѣ Христовомъ. „Ничто же бо сиче намъ, якожъ милостыня помогающи есть. Милуяй нища взаимъ даетъ Богу. *Сиче смысляше и учаше*“²⁾. Въ похвальномъ словѣ преп. Діонисій называется между прочимъ „рабомъ свободитель“³⁾. И эта черта превосходно подтверждается слѣдующимъ интереснымъ разговоромъ изъ житія преп. Діонисія. Братія, какъ и всегда недовольная благотворительностью своего игумена, задумала его вразумить. Одѣли одного юношу страницей, и тотъ, назвавшись

¹⁾ *Житіе преп. Діонисія*. Ркп. Тр. Лавры, № 603, л. 35. Это наставленіе буквально повторяется въ житіи преп. Григорія Пельшемскаго. Вел. Четь-Минеи, 30 сент. по изд. Археогр. Комм. 2273 стб.

²⁾ Ркп. Тр. Лавры, № 603, л. 38—39.

³⁾ „Алчущимъ питатель, сущимъ въ наготѣ покровитель, обиднымъ пособникъ, вдовамъ заступникъ, печальнымъ утѣшеніе, безпомощнымъ помощникъ и рабомъ свободитель“. (*Тамъ же*, л. 61).

работой, просить у святого 100 сребрениць для выкупа изъ холопства вмѣстѣ съ дѣтьми. Преподобный далъ деньги, а братія возвратила ему ихъ, сказавъ, что напрасно онъ благотворить обманщикамъ. Но преп. Діонисій отдаетъ деньги юношѣ, а братію наставляетъ быть милостивыми, давать не только всякому просящему, но и не просящему, запрещаетъ повторять свои искушенія и побуждать его къ немилосердію ¹⁾.

Упомянутый ученикъ Діонисія преп. *Григорій Пельшемскій* († 1441 г.) совершенно усвоилъ наставленіе своего учителя и вполне осуществилъ его. „Прихождаше нищя въ гладъ, съ радостію пріимаше ихъ“ ²⁾. Поучая бѣльцовъ и иноковъ, подвижникъ какъ тѣмъ такъ и другимъ ставить въ числѣ заповѣдей Господнихъ, т. е. обязательныхъ предписаній—„*милованіе нищихъ*“ ³⁾.

Монастыри *новгородско-псковскаго края*, стоявшіе внѣ прямого вліянія со стороны „великой лавры“ преп. Сергія, однако нисколько не разнились въ своемъ служеніи міру отъ прочихъ русскихъ монастырей, конечно потому, что въ нихъ хранились общіе, исконные завѣты русскаго монашества.

Небольшая Клопская обитель пропитала немало народа въ голодъ 1423 года. „И много людей голодныхъ идяше и мало-мощныхъ во обитель святыя Троица питатися, читаемъ въ житіи юродиваго *Михаила Клопскаго* († ок. 1456 г.), и прискорбень бысть *Θеодосіи* игуменъ и съ братією. И рече преподобный Михайло игумену и братіи: о семь нынѣ не скорбите,

¹⁾ Тамъ же, 36 об.—37 об.

²⁾ *Вел. Ч.-Минеи*, 30 сент. изд. Археогр. Комм. 2278 стб. Ср. Похвальное слово, 2294 стб. Благотворительная дѣятельность подвижника описывается въ дальнѣйшихъ словахъ житія почти буквально приведенными выше словами изъ житія *Димитрія Прилуцкаго*, которыя можно даже признать житійно-типическими.

³⁾ Тамъ же, 2278 стб. Въ житіи преп. Григорія передается интересный для нашего вопроса рассказъ объ обличеніи имъ князя *Димитрія Шемяки* за тѣ бѣдствія, какія причиняли жителямъ вологодскаго края войска князя. Шемяка, разсерженный обличеніями святого, „повелъ его съ помосту ринути, не убоясь суда Божія“. Но хронологическія несообразности рассказа (*Ключевскій*, *Житія святыхъ*, 197—198) лишаютъ его исторической достоверности. Можетъ быть, впрочемъ, за этимъ рассказомъ скрывается какое-нибудь другое дѣйствительное происшествіе. Въ похвальномъ словѣ препод. Григорій называется между прочимъ „въ градъ за люди ко князю хожденіе“ (*Тамъ же*, 2294 стб.).

отче (отцы), Господь Богъ препиталь есть 40 (sic!) мужей въ пустыни развѣя женъ и дѣтей. И абіе умоли блаженный у Феодосія игумена и у старцевъ и повелѣ въ котлѣ рожъ варити и давати невозбранно приходящимъ путникомъ. И начаша старцы роптати на игумена и на преподобаго и воста игуменъ и блаженный Михаилъ, тако рекли: „пойдемъ братіе въ житницы посмотримъ“. И паки идоша вси и обрѣтоша всякихъ благихъ житницы полны, а не убы изъ нихъ ничтожь милостію Божіею, святыя Троица и молитвою блаженнаго старца. И повелѣша болѣ того рожъ варити и раздавати требующему народу безбранно (безпрепятственно). И тако приходящи вси прославиша Бога, святую Троицу и угодниковъ его“ ¹⁾.

Наиболѣе извѣстный изъ Псковскихъ монастырей, возникшихъ въ XV стол.—монастырь преп. *Евфросина* († 1481 г.), отличался поразительной строгостью устава и жизни братіи, такъ что одинъ священникъ, попавшій въ обитель къ вечернему богослуженію и насилу простоявшій его, отозвался: „такъ онъ (Евфросинъ) пребываетъ съ братьею, яко желѣзныи съ желѣзными“. Но обитель славилась и благотворительностью. „Елма же нача блаженный милостыни творити многи приходящимъ къ нему алчнымъ и жаднымъ и маломощнымъ, и странныхъ и приходящихъ людей *всѣхъ равно упокоевая и кормя съ любовію, яко отъ Господа посланныхъ. И братіи своей заповѣда ничтоже звати своимъ, но все монастырскимъ, подобяся гласу Спасову: „милостивыхъ дома не оскудѣютъ“* (рече Господь), ревнуя Авраамову страннолюбію и Іову Авсидійскому и Филарету и Ивану Милостивому и Феодосію Киновіарху и Евенмію Великому и прочимъ святымъ, *тѣхъ житію подражая во всемъ“* ²⁾. Слѣдуетъ замѣтить, что, организуя благотворительность въ монастырѣ, преп. Евфросинъ ставитъ ее въ неразрывную связь съ общежительнымъ уставомъ, воспреещающимъ монаху личную собственность, разсуждая такъ: то, что монахъ истратилъ бы на себя, должно идти въ пользу нищихъ. Примѣчательно и то, что примѣромъ въ этомъ дѣлѣ русскому

¹⁾ *Житіе преп. Михаила Клопскаго*, изд. И. Некрасова, Зарожденіе національной литературы въ сѣв. Руси, Одесса 1870, Прилож., стр. 21.

²⁾ *Житіе Евфросина*, Пам. стар. р. литер. IV вып., 76.

подвижнику послужили подвижники востока. И по мѣрѣ того, какъ богатѣла обитель Евфросина отъ приносовъ и вкладовъ селами, развивалась и ея благотворительная дѣятельность. „Святѣй же нача болма милостыни творити убогимъ и странныхъ упокоевая, яко чадолюбивый отецъ“ ¹⁾. Такъ передаетъ о благотворительности преп. Евфросина его житіе.

Но отъ псковскаго подвижника остался *уставъ* монастырю, первый памятникъ въ этомъ родѣ изъ дошедшихъ до насъ отъ древней Руси. Приводимъ цѣликомъ двѣ статьи этого устава, тракующія о благотворительности обители. Онѣ интересны, потому что содержатъ нравственно-религіозную мотивировку этой обязанности иноковъ; наглядно изображаютъ намъ народное пониманіе евангельскихъ завѣтовъ; наконецъ отмѣчаютъ вліяніе на уставъ со стороны восточныхъ монастырей того времени. „*О страннопріимствѣ*. Еще же и о странныхъ прихоженіи въспомяну. Егда приходятъ къ вамъ странніи—или иноци, или мирстїи, всяко потщитесь прїяти или покоити страннаго, аще бы возможно по Господни заповѣди, еже самъ сътвори, преклонь бо честную свою выю, умы нозѣ ученикомъ, тако рече: *и вы длѣжни есте творити*. И паки рече: *страненъ бѣхъ, введосте мя*. И елико кому любо пребыти въсхоцеть, да пребудеть по завѣщанію святыхъ отецъ три дни. И на дѣло не нудите его, ни слова тяжка рцѣте ему, *егда будетъ самъ Христось, или ангель его* ²⁾. И отпускающе дадите милостыню, елико по силѣ. Также аще и мирстїи жители или властели, честь въздадите ему, пишеть бо ап. Павелъ: *не будите должни челоукомъ, въздадите убо емуже честь—честь, ему же урокъ—урокъ, ему же дань—дань* и прочее. Также или отъ ловецъ или отъ кыхъ дѣлатель ³⁾, не станеть у него хлѣба, и пришедъ начнетъ просити, дадите ему елико требуетъ. *А еже кто и хоцетъ купити на деньги, никакоже тако учините, но туне даваите*. Слышахомъ бо отъ самовидецъ, яко въ святей горѣ (т. е. на Аѳонѣ) и въ прочихъ великихъ

¹⁾ Тамъ же, 77 стр. Преп. Евфросивъ завѣщаль братїи не забывать страннолюбія послѣ его смерти.

²⁾ Этимъ словамъ соотвѣтствуетъ приведенное выраженіе житія: „всѣхъ равно упокоевая и кормя съ любовію, яко отъ Бога посланныхъ“.

³⁾ Здѣсь вставлено киноварью заглавіе второй статьи—*о подаяніи*.

обителій отъ древнихъ святыхъ отецъ пріяли уставъ: иже кто продаетъ хлѣбъ печеный, подъ запрещеніемъ великимъ таковой, все бо Божіе есть; или хлѣбъ, или риза, или золото, или серебро. Не внесохомъ бо въ миръ сей ничто жъ и ни пронести что можемъ“ ¹⁾...

III.

Монашескія партіи съ к. XV в.—*іосифляне и блѣлоозерскіе старцы*.—Возрѣнія преп. Іосифа Волоколамскаго на монашество и его задачи.—Сужденіе о монастырской благотворительности.—Подвижническіе идеалы и монашескія возрѣнія преп. Нила Сорскаго; его взглядъ на иноческую милостыню.—Иноческіе идеалы старца Артемія.—Вопросъ о милостынѣ.—Подвижники іосифлянскаго направленія: Пафнутій Боровскій, самъ Іосифъ (духовникъ, печаловникъ, благотворитель), Корнилій Комельскій и Даниилъ Переславскій.—Заволжцы,—отличіе ихъ отъ іосифлянъ въ дѣлѣ служенія міру.—Отшельникъ-учитель народа—Филиппъ Ирапскій.—Вывѣдь.

Въ средѣ русскаго монашества, возсозданнаго преп. Сергіемъ, въ XV стол. развились два противоположныхъ направленія. Къ концу этого вѣка они вполне опредѣлились. Сторонники ихъ рѣзко раздѣлились на двѣ партіи, потому что враждебно столкнулись между собою. Во главѣ каждой партіи тогда стояли крупные представители, даровитые, книжные, извѣстные подвижники. *Іосифляне*—партія *московская*, получившая имя отъ преп. Іосифа Волоколамскаго—представители практическаго монашества, сторонники общежительнаго монастыря. *Блѣлоозерскіе старцы*—*заволжская* партія, созданная Ниломъ Сорскимъ—представители созерцательнаго монашества, сторонники скитскаго образа. Иноческіе идеалы, взгляды на задачи монашества и на обязанности его къ міру у каждой партіи свои, особенные.

Ученикъ и постриженникъ Пафнутія Боровскаго, который имѣлъ своимъ учителемъ ученика преп. Сергія Никиту Высоцкаго, преп. *Іосифъ* († 1515) считалъ монашество общественной силой, передовымъ правящимъ классомъ въ церкви. Но общественное значеніе русскаго монастыря во

¹⁾ Ркп. Вол. Б—ки, № 632, л. 452 об.—453. Уставъ преп. Ефросина по этой рукописи, а также по ркп. Б-ки Моск. Дух. Акад. № 205, изданъ Н. Серебрянскимъ въ неоффиц. части Псковскихъ Епархіал. Вѣдом. 1902 г. №№ I—IV. Приведенныя статьи, см. № IV, 101—102.

время Іосифа поконилось на земельномъ богатствѣ, на вотчинѣ и подвижникъ становится на ея защиту. Монастырскія вотчины привлекаютъ въ число братіи „честныхъ и благородныхъ“ людей, къ черной работѣ не привыкшихъ, будущихъ іерарховъ, опору церкви, а потому должны онѣ существовать. Таковъ ходъ мыслей въ знаменитыхъ словахъ волоцкаго подвижника, сказанныхъ имъ на соборѣ 1503 г.: „аще у монастырей сель не будетъ, како честному и благородному человѣку постричься?“ и дальнѣйшихъ. Защищая монастырскую вотчину и владѣнныя крестьянами, преп. Іосифъ является проповѣдникомъ „стяжательности“, права монастыря на скопленіе богатствъ (но, разумѣется, не частной собственности монаха, которая съ точки зрѣнія устава нетерпима). И между разными доводами въ оправданіе монастырской стяжательности онъ приводилъ и такой: *монастырь обязанъ благотворить, но для благотворительности нужны средства, т. е. земельныя богатства. Поэтому онъ можетъ и долженъ владѣть вотчинами.*

Оттого Іосифъ Волоколамскій становится однимъ изъ энергичнѣйшихъ проповѣдниковъ—и въ теоріи и на практикѣ—монастырской благотворительности во всѣхъ ея главныхъ видахъ: страннолюбія, нищелюбія и ухода за больными. На томъ же соборѣ онъ говорилъ, что благочестивые ктиторы—епископы и князья давали своимъ монастырямъ села и другія доходныя статьи затѣмъ, чтобы налагать на нихъ благотворительныя задачи. Давали, „*празедно судивше и се (правильно разсуждая такимъ образомъ): да елици убожествомъ яти, или нищетою обстоими, или недуги дручими, монастыря обходяще, утѣху пріемлютъ милосердія ради и обилія стяжанію церкви сущія въ нихъ (т. е. по милости монастырей, когда при церквахъ ихъ будутъ достаточныя имѣнія).* Мниси же, отрекшіися міра и въ монастыря сія вшедше, здравіемъ укрѣпляеми суще, съ постомъ своимъ и молитвами да и работы въ монастыри работаютъ, предстояще съ добрыми дѣтелями страннолюбію, егоже ради нещующе и тружатися (—съ добрыми дѣлами упражняясь и въ страннолюбіи, считая нужнымъ для него и трудиться)“. Указавъ на земледѣльческій трудъ и скитскихъ отцовъ ради странныхъ, Іосифъ продолжалъ: „и сіи черноризци (ктиторскихъ общительныхъ монастырей), изволяющіи такожде, въ смиреннѣ

мудрованіи тружашеся странныхъ ради и болящихъ упокоенія... не токмо не осуждаются, но паче сея самыя ради вины велию мзду съ постыжнствомъ своимъ воспримутъ“¹⁾. Итакъ монастырю пріобрѣтати имущества для благотворительной дѣятельности совершенно дозволительно и желательно, иноку же трудиться ради „странныхъ и больныхъ упокоенія“ прямо спасительно. Такъ рассуждалъ о монастырской благотворительности преп. Іосифъ, являясь такимъ образомъ принципиальнымъ защитникомъ этой формы служенія иноковъ міру. Другія стороны этого служенія не затрогивались его воззрѣніями.

Преп. *Ниль Сорскій* († 1508), постриженникъ Кирило-Бѣлоозерскаго монастыря, путешествовавшій и на Аѳонъ, держался совершенно иного взгляда на монашество. Идеалъ его чисто созерцательный. Преп. Ниль не считалъ монашество общественной силой и потому не возлагалъ на него миссіи руководительства церковной жизни, что обязывало бы монаха принимать большое участіе въ мірской жизни, нарушать его „безпопеченіе“ (свободу отъ заботъ) и „безмолвіе“ (свободу отъ житейской суеты и людскихъ бесѣдъ). Онъ вель монаха изъ міра въ пустыню, въ уединеніе, признавая великую опасность для его души отъ одного обращенія съ мирскимъ чиномъ. Считая однако полное отшельничество удѣломъ совершенныхъ и святыхъ, а общежитіе неудобнымъ для безмолвія, Ниль Сорскій вводитъ на Руси средней—скитскій образъ жизни, который называетъ „царскимъ путемъ“. Скитъ — это малочисленная монашеская община въ два-три человекъ, которые имѣютъ все общее—пищу, одѣяніе и трудъ и повинуются другъ другу²⁾. „Притяжаніе сель и содержаніе многихъ имѣній, т. е. вотчины и накопленіе богатствъ, вовлекающія монашество въ сношенія съ міромъ, подвижникъ-созерцатель считалъ вовсе не дозволенными монастырю. На соборѣ 1503 г. не иной кто, какъ преп. Ниль, поднялъ вопросъ объ отобраніи вотчинъ у

¹⁾ *Житія преп. Іосифа и надгробное слово*, изданныя К. И. Невоструевымъ, Ч. Об. Люб. Д. Пр. 1865, II, 117—118.

²⁾ *Предисловіе на книгу блаж. отца Нила Сорскаго* (его ученика Инокентія Охлѣбнина), см. Преданіе ученикомъ своимъ о жительствѣ скитскомъ, М. 1849, стр. XXI.

монастырей. Онъ запрещалъ инокамъ принимать отъ мірянъ даже милостыню кромѣ крайней нужды; содержаться монаху предписывалъ трудами рукъ своихъ и скитская нищета стала преданіемъ въ его обители. Немудрено поэтому, что подвижникъ не признавалъ матеріальную милостыню и благотворительность вообще монашескою обязанностью. Безмолвіе и нестяжательность освобождали инока отъ этого. „Излишняя не подобаетъ намъ имѣти, пишетъ преп. Нилъ въ Преданіи. А еже просящимъ даяти и заемляющихъ не отвращати, сіе на лукавыхъ повелѣно есть, глаголетъ Василиій Великій ¹⁾. Не имѣяй бо излише нужныя потребы не долженъ есть таковой даяніе даяти и, аще речеть: „не имамъ“, нѣсть солгалъ, глаголетъ Великій Варсануфій. Явленъ бо есть инокъ онъ, иже не подлежитъ творити милостыню, той бо откровеннымъ лицемъ можетъ рещи: се мы оставихомъ вся и вслѣдъ Тебѣ идехомъ. Пишетъ же св. Исаакъ: нестяжаніе вышши есть таковыхъ подаяній; милостыня бо иноческая еже помощи брату словомъ во время нужды, и утѣшити ему скорбь разсужденіемъ духовнымъ; но и сіе могущихъ. Новоначальныхъ же (милостыня)—еже претерпѣти скорбь обиду и укореніе отъ братіи. И сіе есть душевная милостыня и толико есть вышши тѣлесныя, елико душа вышши тѣла, глаголетъ св. Дороеей. Аще ли страненъ кто пріидеть, упокоити его, елико по силѣ нашей, и по сихъ, аще требуетъ, даяти ему благословеніе хлѣба и отпустить его“ ²⁾. Итакъ преп. Нилъ не признавалъ милостыню дѣломъ обязательнымъ для инока, разъ тотъ безъ лжи и смѣло глядя въ лицо можетъ сказать: не имѣю; ставилъ ее ниже подвига нестяжанія. Инокъ-нестяжатель легко могъ замѣнить милостыню другими подви-

¹⁾ То есть: „А что просящимъ давать и занимающимъ не отказывать, такъ эта заповѣдь, какъ говорить Василиій В., дана для лукавыхъ“. Преп. Нилъ имѣеть въ виду мысль преп. Іосифа, что монастырь можетъ принимать и увеличивать свои богатства въ благотворительныхъ дѣлахъ, но вовсе не признаетъ грѣхомъ иноческую милостыню, см. конецъ приводимаго текста. Къ сожалѣнію мы не знаемъ, какое мѣсто изъ твореній Василия Вел. имѣеть въ виду преп. Нилъ, и не можемъ дать его объясненія въ контекстѣ у святого отца. Знаемъ только, что подобныхъ словъ у св. Василия иѣтъ тамъ, гдѣ онъ говоритъ объ иноческой нестяжательности,—и то еще, что онъ вполне позволялъ монастырскую благотворительность; *Творенія*, V т. 3-го изд. 241, 336 стр.

²⁾ *Преданіе ученикомъ*, 14—15.

гами, если онъ изъ числа опытныхъ—увѣщаніемъ и утѣшеніемъ брату въ скорби и нуждѣ, если новоначальный—безропотнымъ терпѣніемъ обидѣ. Однако преп. Нилъ предписываетъ принимать странника, ищущаго пріюта, и снабжать его хлѣбомъ, предписываетъ страннолюбіе—простѣйшую форму благотворительности.

Точно повторяетъ иноческіе идеалы своего учителя старецъ *Артемій*, бывшій игуменъ Троицкій, защитникъ православія въ Литвѣ, ранѣе того осужденный въ Москвѣ какъ еретикъ. Жить помонашески значитъ—„умолкнуть отъ вѣхъ мірскихъ“: „въ нищетѣ жить“, проводить „безмолвное и безвещное житіе“, „съ мірскими не связатися“. Приложение монашескаго богатства, стяжаніе сель и многихъ служебъ—окаянный обычай, дѣло свойственное царской, паче же мучительской власти. Общежитіе въ монастыряхъ по сужденію старца, давно уже разрушилось; „похвалитѣ общаго особое житіе: со единѣмъ или много съ двѣма безмолвствовать“. Это средній путь, скитскій образъ ¹⁾. Объ иноческой милостынѣ нѣтъ упоминанія у этого заволжца.

Не безъ вліянія, кажется, созерцательной заволжской докторины у еретика *Теодосія Косого* появляется совершенное отрицаніе этой христіанской добродѣтели. „Велятъ же попы имѣнія приносить и нищимъ подавать, а нищіе псы, не подобаютъ имъ подавать“. Но еретикъ проповѣдалъ общеніе имуществъ, отрицалъ всякую власть ²⁾, и едвали среди бѣлоозерцевъ имѣлъ сторонниковъ своего крайняго ученія о милостынѣ. Напротивъ ученики преп. Нила не могли отрѣшиться отъ традиціонныхъ русскихъ сужденій о „спасенной милостынѣ“ и быть послѣдовательными. *Вассіанъ Патрикѣевъ*, который описываетъ назначеніе монашества согласно съ своимъ старцемъ, а обязанность церковной благотворительности предоставляетъ епископамъ, однако пишетъ, что слова Христа: *аще хочещи совершенъ быти...* (Мѡ. XIX, 21), являютъ три всеобъемлющія главизны иноческаго житія: „нищету, *мн. 70-*

¹⁾ *Посланія Артемія*, Р. И. Б. IV, 1258, 1262, 1259, 1261, 1236, 1260—1261 стб.

²⁾ *Зиновія Отенскаго*, Посланіе многословное, Чт. О. И. и Др. 1830, II, 144—145.

стыню и всяко братолюбіе и состраданіе, къ симъ же и молитву непрестанную съ воздержаніемъ и бодростію“¹⁾.

Таковы идеалы и взгляды двухъ монашескихъ партій XVI в. по вопросу о служеніи монашества міру. Партія іосифлянъ была болѣе многочисленна и вліятельна; притомъ же опиралась она на традиціи русскаго монашества, ссылалась постоянно на русскихъ чудотворцевъ. Партія заволжская жила наносными, принесенными съ Аѳона идеалами и возрѣніями, свободнѣе относилась къ великимъ примѣрамъ и благочестивымъ преданіямъ родного монашества; она вредила себѣ еще и тѣмъ, что служила гнѣздомъ религіознаго вольнодумства. Принципіально послѣдовательные заволжцы считали себя даже свободными отъ служенія міру, но на дѣлѣ служили ему. Было отличіе только въ характерѣ этого служенія со стороны заволжцевъ и подвижниковъ—іосифлянъ.

Начнемъ съ іосифлянскоі партіи, съ ея „дѣда“ преп. Пафнутія Боровскаго.

Преп. Пафнутій Боровскій († 1477), въ обители котораго принялъ постриженіе Іосифъ Волоколамскій, „одинъ изъ любопытнѣйшихъ характеровъ въ древне-русскомъ монашествѣ“, по замѣчанію проф. Ключевскаго²⁾. Ученикъ преп. Никиты Высоцкаго, который былъ ученикомъ и постриженникомъ преп. Сергія Радонежскаго, Пафнутій наслѣдовалъ отъ своего учителя одну черту—выдающуюся духовническую опытность, умѣнье употреблять милосердіе и строгость, гдѣ нужно то или другое. По словамъ Іосифа, преп. Никита прозиралъ хотящая быти и повѣдалъ тайные помыслы братіи. „Бяше же щедръ и милостивъ, егда подобаетъ, и жестокъ и напрасень, егда потреба“³⁾. Пафнутій былъ духовникомъ и братіи и мірянъ и извѣстенъ былъ своею опытностію въ наложеніи епитимій. „Прихождаху же ко блаженному не точію иноци, но и сущіи отъ міра исповѣдающесе на духовнѣ, занеже зѣло благоразсудень и добре могій разумѣти сокровенную премудрость во священныхъ правилѣхъ, еже

1) *Посланіе инока-князя Вассіана Патрикѣева*, Прав. Соб. 1863, III, 108 ср. 185 и 207.

2) *Житія святыхъ*, 207.

3) *Отвѣщаніе любезазорнымъ*, В. Ч. М., 9 сент., 559 стб.

комуждо подобно запрещеніе давати“¹⁾. Бесѣда Пафнутія какъ къ инокамъ такъ и къ мірскимъ всегда была проста и чужда челоуѣкоугодія. Всегда онъ говорилъ по Божію закону и сказанное исполнялъ дѣломъ. „Не устыдѣся никогда же лица княжска или боярска, ни приносомъ богатыхъ умягчися когда, но сильнымъ крѣпко закону соблюденіе глаголаше и заповѣдемъ Божіимъ; простымъ же такоже бесѣдоваше, братію нарицающе“²⁾. Эту независимость и нелицепріятіе преп. Пафнутіи проявлялъ въ отношеніи къ своимъ духовнымъ дѣтямъ, какой бы высокой постъ они ни занимали. Юрій Васильевичъ, князь дмитровскій, братъ великаго князя Ивана III, былъ духовнымъ сыномъ боровскаго подвижника „и много время душею ко отцу приходяше“. Князь Юрій самъ рассказывалъ, въ какомъ настроеніи онъ шелъ обычно на исповѣдь: „коли поиду на исповѣдь ко отцу Пафнутію, и ноги у мене подгибаются“. Жизнеописатель добавляетъ: „толико же бысть добродѣтеленъ и богобоязнивъ князь“³⁾, а мы добавимъ: такъ безбоязненъ и строгъ къ духовнымъ дѣтямъ былъ преп. Пафнутіи.

Благотворительность боровскій подвижникъ считалъ обязанностью монастыря. Во время голода онъ самъ пропиталъ множество народа—„всѣхъ окрестныхъ“, „яко до тысящи на всякъ день и множае собиратися“. Въ обители не осталось никакихъ запасовъ, но въ слѣдующее лѣто молитвами святого „и слезъ ради нищихъ умноженіе плодомъ Господь дарова“⁴⁾. Въ монастырѣ былъ обычай кормить и „учреждать“ гостей, въ томъ числѣ и мірскихъ посѣтителей⁵⁾. Когда умиралъ подвижникъ, его ученикъ, оставившій превосходныя записки о послѣднихъ дняхъ учителя, просить повелѣніе написать *завѣщаніе о монастырскомъ строеніи*. И преподобный даетъ это завѣщаніе. Въ немъ онъ предписываетъ

1) *Житіе преп. Пафнутія*, изд. *Кадлубовскимъ*, Сборникъ истор. филологич. общества при институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ, II т. 1899. 141 стр.

2) *Записка Иннокентія* о послѣднихъ дняхъ преп. Пафнутія, изд. *В. О. Ключевскимъ*, въ прилож. къ изслѣдованію, *Житія святыхъ*, стр. 445—446.

3) *Житіе*, 136.

4) *Тамъ же*, 141.

5) *Тамъ же*, 140.

монастырю обязательную благотворительность и вмѣстѣ неизмѣнное соблюденіе монастырскаго устава и церковнаго правила. „Трапезы отъ любостранна (странника) не затворите, о милостыни попецѣтесь, просяща потребная тща не отпустите... Соборныя молитвы не отлучайтесь никакою нужею развѣе немощи, весь уставъ и правило церковное кротко и немятежно и молчаливо и, просто рещи, якоже мене видите творяща, и вы творите“ ¹⁾. Ученикъ спрашиваетъ умирающаго учителя о мѣстѣ его погребенія. Назначивъ это мѣсто, преп. Пафнутій прибавилъ: „а гроба не купи дубова, на ту шесть денегъ колачей купи, да раздѣли нищимъ; а мене лубкомъ оберти да, подъ страну подкопавъ, положи“ ²⁾.

Школа Пафнутія Боровскаго замѣтно сказалась на его ученикѣ преп. *Іосифѣ Волоколамскомѣ*. Іосифъ прежде всего выдающійся духовникъ. Поселившись въ волоколамскихъ предѣлахъ, онъ быстро прославился. Строгость жизни, доброгласіе въ церковной службѣ, широкая начитанность вмѣстѣ съ поразительной памятью и находчивостью („богодухновеннаго писанія все памятью на край языка пмыи“), привлекательная наружность вмѣстѣ съ скромной, чисто монашеской осанкой и искусствомъ въ обхожденіи—все это привлекаетъ вниманіе мѣстной аристократіи къ подвижнику, который и самъ былъ родовитъ. „И мнози князи и бояре приходяще къ игумену Іосифу на покаяніе“ ³⁾, т. е. выбираютъ его себѣ въ духовные отцы. Изъ князей, бывшихъ духовными дѣтьми преп. Іосифа, извѣстны: Борисъ Волоцкій и Юрій Дмитровскій Васильевичи, братья великаго князя Ивана III, и Иванъ Борисовичъ Волоцкій. Нѣкоторые изъ волоколамскихъ бояръ, „иже отъ палаты княжа“, изъ воеводъ „и воиновъ честныхъ“ также просили Іосифа быть ихъ духовнымъ отцемъ ⁴⁾. На исповѣдь къ нему стремились и женщины. Хотя волоколамская обитель, какъ и боровская, была невходна женамъ, однако это не помѣшало княгинямъ и боярынямъ имѣть преп. Іосифа своимъ духовнымъ отцемъ. Между волоколамскимъ

1) *Записка*, 446—447.

2) *Тамъ же*, 451.

3) *Два житія преп. Іосифа и надгробное слово*, изд. К. И. Невоструевымъ въ Чт. О. Люб. Д. Просв. 1862, II, 22.

4) *Тамъ же*, 95, 141, 96, 97; *Собр. Госуд. Грам. и Догов.* I, № 132, стр. 343. Духовная кн. Ивана Борисовича.

игуменомъ и его духовными дочерьми установились своеобразныя сношенія: женщины исповѣдаютъ грѣхи свои письменно и съ радостью принимаютъ отвѣтъ преподобнаго, не умѣвшія писать сказывали грѣхи своимъ домовымъ священникамъ и посылали ихъ къ Іосифу ¹⁾. Подвижникъ отвѣчалъ на письменныя или устныя просьбы своихъ духовныхъ чадъ обо его полахъ и писалъ имъ посланія. Памятникомъ письменныхъ сношеній преп. Іосифа съ духовными дѣтьми служатъ дошедшія до насъ „*посланія Іосифовы о епитиміяхъ къ вельможамъ, въ мѣртъ живущимъ, дѣтемъ его духовнымъ*“. Они свидѣтельствуютъ, какъ строга была та покаяльная дисциплина, которой хорошіе духовники подвергали мірянъ, впавшихъ въ тяжкіе грѣхи, насколько была высока и непререкаема власть духовнаго отца ²⁾.

Преп. Іосифъ былъ выдающійся печаловникъ— „немошнымъ спострадательнъ“. Въ своихъ посланіяхъ и личныхъ бесѣдахъ съ знатными мірянами онъ заступаетъ за холоповъ и за крѣпостныхъ. Онъ пишетъ вельможамъ, наставляя ихъ „восхищенное не по правдѣ отдати“; увѣщаетъ „помиловать бѣдныхъ и убогихъ, иже пусти бѣша человѣческаго утѣшенія“; рабовъ, которые „гладомъ таютъ и наготю стражутъ“, довольствоваться, „чтобы съ голоду и съ наготы не плакали“. При этомъ онъ проситъ господь не забывать, что они одна плоть съ рабами, крещены однимъ крещеніемъ, искуплены одною кровію и вмѣстѣ станутъ на судищѣ Христовомъ ³⁾. Печалуясь предъ вотчинникомъ за крѣпостнаго человѣка, волоколамскій подвижникъ становится на точку зрѣнія ихъ обоюднаго матеріальнаго интереса. „Будьте добры къ пахатнымъ крестьянамъ своимъ. Чѣмъ болѣе станете вы понуждать земледѣльца къ работѣ на васъ и насильно отнимать его стяжаніе, тѣмъ скорѣе онъ придетъ въ убожество. Но сдѣлавшись нищимъ, какъ онъ будетъ платить подать и дань, чѣмъ сокрушенный нищетою пропитается онъ съ домомъ своимъ? Обремененный оброкомъ онъ продастъ скоть. А разъ скоть проданъ, кто бу-

¹⁾ *Житія*, 113—114.

²⁾ См. нашъ очеркъ *Древнерусскій духовникъ*, 56—61; 106—115.

³⁾ *И. Хрущовъ*, Исслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Савина, 90—94, 99. *С. Мирногъ*, Др. русскій духовникъ, 114—115.

детъ пахать? Гдѣ взять убогому и сѣмянъ? Запустѣлая, заросшая „цѣлизна“ процвѣтетъ ли какъ поле? А когда крестьянскія поля запусѣютъ, не понесетъ ли ущербъ самъ господинъ усадьбы за всю убыль, сдѣланную крестьянину, и притомъ въ такой степени, въ какой сдѣлано ему зло. Дающій же пахарю льготу воздѣляетъ заросшія мѣста и распашетъ поля. Безъ господскаго насилія исполнивъ свои работы, крестьянинъ будетъ стараться для господина и, сытый самъ, безъ недоимки отдастъ оброкъ“. Владѣльцевъ подвижникъ наставлялъ „не злымъ быти на владомыя“, крестьянъ—не упускать господской работы, не лѣниться и воздавать имъ усердіемъ за заботы и льготы. Жизнеописатель увѣряетъ, что это несложное политико-экономическое разсужденіе волоколамскаго игумена отразилось на всей странѣ. „Вся же тогда волоцкая страна къ доброй жизни прелажася, тишины и покоя насладѣшася и вси веселящася бѣаше, и поселяне же много послабленіе имуще отъ господей сель ихъ поущеніемъ (внушеніемъ) его“. Послушавшіе наставленій преподобнаго „благословившася зѣло и обогатѣша паче“ „и мнози тяжаріе (земледѣльцы) стоги своя участиша и умножиша жить себѣ“¹⁾.

Но главная заслуга преп. Іосифа предъ волоцкой страной—помощь населенію въ неурожайные годы. Случилось, что хлѣбъ не родился нѣсколько лѣтъ подъ рядъ и наступилъ „гладъ крѣпокъ“. Хлѣбъ страшно вздорожалъ и народъ питался листьями, корой и сѣномъ—„съ скоты едина пища“. Коренья ужомника и истолченныя гнилушки дерева—„злѣйши скотьскыя пища“—особенно содѣйствовали развитію желудочныхъ заболѣваній. Голодный народъ покидалъ свои дома и расходился въ разныя стороны. Громадная толпа сошлась и къ воротамъ монастыря. Всѣхъ оказалось 7000 человекъ кромѣ малыхъ дѣтей. „Іосифъ же тогда житница своя разверзъ по патріарху древле тезоименитому“ (—подражая библейскому Іосифу). Онъ велѣлъ питать всѣхъ, а малыхъ дѣтей помѣстилъ въ страннопримницу для прокормленія. Голодающихъ дѣтей оказалось болѣе 50 и нѣкоторые изъ нихъ имѣли всего по два съ половиной года. Бѣдные крестьяне приводили „отрочать“ къ мона-

¹⁾ *Житія*, 98—100.

стырю и оставляли ихъ здѣсь. Когда преподобный распорядился призвать ихъ родителей, ни одинъ не явился, всѣ отказались отъ своихъ чадъ. Пришлось выстроить за монастыремъ домъ и питать дѣтей. „Сія чада, яже не породилъ, питаеша (преподобный) милосердною утробою и печашеся о нихъ, акы самъ сія породилъ“¹⁾. Теперь тихая обитель превратилась какъ-бы въ торжище. Каждый день множество нищихъ, убогихъ и голодныхъ крестьянъ получали въ ней печенный хлѣбъ. Кормилось ежедневно до 400—500 человекъ. Въ монастырѣ поднимается неудовольствіе. Келарь приходитъ къ игумену съ заявленіемъ, что не осталось ржи даже на пропитаніе братіи. Игумень зоветъ казначея и велитъ купить хлѣба на деньги. „Казначей же не сказа денегъ“. Тогда преподобный распоряжается, чтобы занимали денегъ, покупали рожь, но кормили голодающихъ. Скупому казначею и келарю онъ даетъ рѣшительное распоряженіе, чтобы никто не уходилъ изъ монастыря голоднымъ. Братія ропщеть. „Како селико (столько) народа прекормити покупающе? Безразсудна сія милость. Насъ переморить, а ихъ не прекормить!“ Братія роптала изъ за калачей и медвянаго кваса, отъ которыхъ по случаю голода пришлось отказаться, и нѣкоторые прямо заявляли преп. Іосифу: „терпѣти немощно“. Іосифъ говоритъ недовольнымъ. „Зрите, толикъ народъ не различна брашна желаютъ, но единого куса хлѣба, дабы малу утѣху отъ глада получитьи, и того ради оставиша дома своя и скитаются по чужимъ мѣстамъ и съ женами и съ дѣтьми. Мы же общахомся всяку скорбь терпѣти царствія ради небеснаго и о семь нынѣ являемся нетерпѣливи“... Братія образумилась. Но монастырь дѣйствительно быстро обѣднялъ: хлѣбъ, деньги, одежда, скоть—все было роздано и ничего не осталось. Дѣло быстро измѣняется, когда вмѣшался „державный“, великій князь Василій Ивановичъ. Узнавъ, что монастырь питаетъ столько народа—покупаеть, занимаетъ и голодаеть самъ, великій князь „вне-

1) Вѣроятно къ этому времени относится происшествіе, какъ оживъ изъ волоколамской братіи Андрей Квашинъ „пореклу Невѣжа“ оставилъ монастырь, смущенный присутствіемъ дѣтей близъ обители, по крайней мѣрѣ подъ этимъ предлогомъ: „дѣти вскрай обители живутъ, не мочно ми спастися“. Но съ нимъ случилась внезапная болѣзнь, которая вразумила и возвратила его въ обитель преп. Іосифа. *Житія*, 70—72.

запу принде“ въ обитель, учредилъ братію привезенными припасами, а для голодающихъ отпустилъ 1000 четвертей ржи, столько же овса и 100 рублей денегъ; въ случаѣ же новой нужды разрѣшаетъ брать изъ своего села столько хлѣба, сколько потребуется. Примѣру великаго князя послѣдовали нѣкоторые владѣтельные, за ними бояре и зажиточные христіанцы. Съ своей стороны подвижникъ убѣждаетъ владѣтельныхъ князей помогать голодающему народу ¹⁾. Монастырь безъ труда теперь прокормилъ голодающихъ. Настала урожайная осень и голодные разошлись по домамъ. Ушли отъ обители и подобранныя дѣти, смутившія Андрея Квашинна. Такъ отворенныя житницы монастыря, домъ для отрочать за его стѣнами, да сочувствіе „державнаго“ разрѣшили въ этотъ голодъ для волоцкой страны продовольственный вопросъ.

Надо ли говорить, что преп. Іосифъ былъ нищелюбивъ и подавалъ нуждающимся безъ отказа? На Успеневъ день, храмовой праздникъ монастыря, въ него сходились болѣе тысячи нищихъ. Ихъ кормили и награждали каждаго „сребренницей“. Подвижникъ заповѣдалъ творить эту милостыню и послѣ своей смерти, чтобы не оскудѣлъ монастырь „до вѣка“ ²⁾. Преп. Іосифъ волоколамскій выдающійся благотворитель даже среди древне-русскихъ подвижниковъ.

При его обители былъ уходъ за больными мірянами. „Оставшая же на трапезѣ брашна, передается въ одномъ изъ житій преподобнаго его распоряженіе, не сохранять въ келарницу, но въ *отлученный* (отдѣленный) *домъ убогимъ и больнымъ* отдаати сія. Усмотрижеся (разсудилось же) ему и се: яко немощнующу челоувѣчеству и грубу (бѣдной черни) нужна подъяти (слѣдуетъ пособлять) и помогати“ ³⁾. „Отлученный домъ убогихъ и больныхъ“ нѣчто вродѣ больницы и богадѣльни. Его устроилъ преп. Іосифъ, сознавая неотложную нужду благотворительной помощи бѣдному люду. Гдѣ же находился этотъ домъ? Вѣроятно въ родовомъ селѣ Іосифа въ Спиридоновѣ, именно во Введенскомъ монастырѣ, кото-

¹⁾ Сохранилось посланіе преп. Іосифа къ дмитровскому князю Юрію Ивановичу. Подвижникъ убѣждаетъ князя питать народъ во время голода, оставить цѣну на хлѣбъ и наказывать тѣхъ, которые дорого его продають (Доп. къ Акт. Ист. I. № 216).

²⁾ *Житія*, 49—52, 133—135, 174—175

³⁾ *Тамъ же*, 144.

рый преподобный устроилъ, какъ полагають, по образцу Подольнаго Введенскаго монастыря при Троицкой лаврѣ. Кромѣ дома для больныхъ и убогихъ здѣсь былъ такъ называемый „Божій домъ“—глубокая общая могила, въ которой погребались умершіе безвѣстной смертью. Отъ главнаго монастыря Спиридоново находится въ двухъ поприщахъ,—около трехъ верстъ и Введенскій монастырь получалъ отъ Іосифова все необходимое для содержанія. Конечно онъ былъ очень небольшой, но устроенъ по всѣмъ правиламъ настоящаго монастыря. Здѣсь былъ свой игумень и число братіи доходило до 12. Игумень пользовался нѣкоторой самостоятельностью и предоставленнымъ ему правомъ принимать на исповѣдь мірянъ, вѣроятно менѣе знатныхъ. Спиридоновскіе иноки и несли, надо думать, благотворительныя обязанности—пріемъ странниковъ и нищихъ, уходъ за больными, погребеніе умершихъ „нужною смертью“ и поминовеніе ихъ ¹⁾. Таковъ былъ.

---

¹⁾ Введенскій богадѣленный монастырь слѣдуетъ отличать отъ другаго „богороднаго“ или богадѣленнаго, стоявшаго ближе къ обители преп. Іосифа и служившаго *богадѣльней для престарѣлыхъ и больныя чиноковъ своей обители*. Въ одномъ изъ житій преп. Іосифа среди предсмертныхъ распоряженій подвижника находимъ: „Еще же иже въ Спиридоновѣ обители его снабдѣти, яко и при немъ: то бо отъ наслѣдія отцовъ его бѣаше, ту и монастырь създа и потребу живущимъ тамо игумену и братіи отъ великаго монастыря подая. Въ вся же суботы и недѣля въ велицѣмъ монастыри семъ обѣдовати устрои“. Но свѣдѣнія объ интересующемъ насъ монастырѣ этимъ не исчерпываются. Въ обиходникѣ Волоколамскаго монастыря (ркп. Синод. Б.—ки № 403—829, л. 136), составленномъ игуменомъ Евѣміемъ (1573—1586), читается слѣдующее извѣстіе о Спиридоновскомъ или Спировскомъ монастырѣ: „есть же и другій монастырь (кромѣ богороднаго или богадѣльнаго при самой обители) вдале два поприща отъ великаго монастыря, въ немъ же храмъ Пречистыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Введенія, а поставленіе преподобнаго старца Іосифа: глаголють же нѣдци, яко отчина баше родителей его. И тамо игумень и братіи прежь было 12.“ Послѣ моровыхъ повѣтрій въ монастырѣ осталось братіи двое или одинъ. Церковь была поставлена для поминовенія усопшихъ. „И повелѣ (преп. Іосифъ) отъ болшоа монастыря давати потребная, сирѣчь хлѣбъ, рожь, ячмень и соль и обиле и прочая вся по грамотѣ по указной прежь бывшихъ игуменовъ и соборныхъ старцовъ. А отъ мирскихъ людей, кои приходятъ къ той святѣй церкви, приношеніе всякое приносятъ, невозбранно пріимати и на духовнѣ къ нему (игумену) приходити. И самому тому игумену о духовныхъ дѣлехъ въ волость ѣздити“. Далѣе говорится, что вблизи этой церкви былъ молитвенный храмъ (часовня?) съ ископанною глубокою могилою, называемый „домъ Божій“.

устроенный преп. Іосифомъ и существовавшій послѣ его смерти, божедомскій монастырь съ отдѣльнымъ домомъ для убогихъ и больныхъ мірянъ.

Преп. *Корнилій Комельскій* († 1537), постриженникъ Кириллова монастыря, по направленію своихъ подвижническихъ идеаловъ однако близко сходится съ Іосифомъ волоколамскимъ, по крайней мѣрѣ его Уставъ очень сильно даже въ подробностяхъ напоминаетъ Духовную грамоту волоколамскаго подвижника. Благотворительная его дѣятельность, описанная подробно въ житіи, а также и хозяйственная въ значительной степени напоминаютъ намъ дѣятельность преп. Іосифа. Устраивая свою пустынную обитель, Корнилій превращается въ земледѣльца и въ лѣсу распахиваетъ ниву: „начать тяжарь быти... лѣсъ сѣкый и нивы насѣвая и приходящая приѣмля и мимоходящая кормяше“¹⁾. Онъ не оставилъ этой дѣятельности и устроивъ монастырь и тогда, когда получилъ для него села и починки со всякимъ угодьемъ и съ крестьянами. Подвижникъ вмѣстѣ съ братіей продолжаютъ сѣчи лѣсъ и сѣять нивы именно въ пѣлѣяхъ благотворительности: „да не токмо сами свой хлѣбъ ядятъ, но да и неимущихъ питаютъ“²⁾. А обстраивая свой монастырь, онъ не забываетъ поставить и богадѣльню для мірянъ. „Созда же, говоритъ жизнеописатель, и богадѣльню вѣтъ монастыря страннѣмъ и нищимъ на покой“³⁾. Житіе отмѣчаетъ мелкую, но характерную подроб-

гдѣ съ благословенія настоятеля Іосифова монастыря погребали всѣхъ странныхъ, безвѣстную и нужною смертію сковчавшихся, православныхъ христіанъ, Бога ради поминали ихъ и každогодно во вселенскую субботу и въ другую мясопустную и въ седьмой четвертокъ по пасхѣ служили по нихъ обѣдни и панихиды. На праздники владычны и богородичны, также на государскіе кормы и на митрополчьи и на владычны и на большіе кормы и по воскреснымъ днямъ игумену спиридоновскому или спиоровскому (такъ пишется онъ безразлично) велѣно было обѣдни служить и всякое церковное правило исправлять у себя въ монастырѣ безпереводно, а къ трапезѣ приходитъ съ братією въ большой Іосифовъ монастырь. (*Житіа преп. Іосифа*, 149 ср. прим. 493 на 149 — 150 стр. Ср. Описание Горскаго и Новоземельскаго, III, 1, 400—402). Въ статьѣ *II. С. Казакаго*, Преп. Іосифъ Волоколамскій (Приб. къ Тв. св. От. V, 250) оба монастыря „богорадный“ или богадѣленный для монаховъ и „божедомскій“ съ богадѣльней для мірянъ смѣшиваются въ одинъ.

1) *Житіе преп. Корнилія*. Ркп. Тр. Лавр. Б—ки, № 676, л. 513 об.

2) *Тамъ же*, л. 530.

3) *Тамъ же*, л. 516.

ность, касающуюся краткаго пребыванія подвижника въ Москвѣ. Великій князь Василій Ивановичъ, большой почитатель преподобнаго, часто приглашалъ его къ столу, а иногда посылалъ кушанья съ своего стола на домъ. „Онъ же сія нищимъ и маломощнымъ подавая тай“¹⁾. Благотворительность Корниліева монастыря была широкая и щедрая. На храмовые праздники обители многочисленнымъ нищимъ выдавалась милостыня по рукамъ,—каждому по деньгѣ, по просфорѣ и калачу. Случилось, что въ монастырѣ къ одному празднику не было денегъ. Преп. Корниліій молился Господу, чтобъ онъ послалъ милость свою „на братію свою—на нищихъ“. И утромъ въ самый день праздника великій князь присылаетъ милостыню въ монастырь „двадцать рублей съ рублемъ“. Преподобный одѣлилъ княжеской милостыней нищихъ съ любовью, какбы посланнымъ для нихъ отъ Бога. Въ другой праздникъ преп. Корниліій раздавалъ обычную милостыню подходящимъ къ нему „не зрящу на лица, но токмо руку простершему даяше“. Пользуясь этимъ, нѣкоторые ниціе подходили за милостыней дважды, иные до пяти разъ. Приставники сказали объ этомъ подвижнику, а онъ отвѣтилъ: „не трогайте ихъ,—они за этимъ пришли“. Въ тотъ же день его посѣтило видѣніе. Святолюбный старецъ преп. Антоній Великій, праздникъ котораго торжествовала обитель, вывелъ его на поле, показалъ ему на одной сторонѣ просфоры, на другой калачи и сказалъ: „вотъ твои просфоры и калачи, которые ты роздалъ нищимъ“. Старецъ повелѣлъ Корнилію подставить свою одежду и началъ класть просфоры и калачи; ихъ оказалось такъ много, что они посыпались на землю. Послѣ этого видѣнія преп. Корниліій даетъ братіи своей *заповѣдь творить неоскудную милостыню не только при жизни его, но и по смерти*. Въ вологодской землѣ случился голодъ. Хлѣбъ сильно вздорожалъ и купить его даже негдѣ было. Въ монастырь Корнилія стали приходять „отъ многихъ странъ... странніи и нищіи“, а изъ окрестностей мучимые голодомъ. Преподобный никому не отказывалъ, подавалъ щедрую милостыню ежедневно. Многіе приносили своихъ младенцевъ и оставляли подъ стѣнами монастыря. Подвижникъ принимаетъ ихъ всѣхъ, отсылаетъ въ особый домъ

¹⁾ Тамъ же, л. 527 об.

и тамъ ихъ питали и покоили. Въ это тяжелое время запасы обители не оскудѣвали ¹⁾. Въ своемъ послѣднемъ по-

¹⁾ *О даянїи милостыни на праздники.* Иногда же празднику пришедшу Антонїя великаго память, обычай же имаше старецъ Корнїлїя на праздники Введенїя Пречистыя и преподобнаго Антонїя нищимъ дати милостыню по рукамъ: коемуждо по деньзъ, къ симъ же и по просфирѣ и хлѣбомъ одляше. Богъ же хотяше искусити вѣру раба своего, оскудѣнїю бывшу велїю въ монастыри и приспѣвшу празднику Антонїя Великаго, нищимъ же по обычаю собравшимся множеству въ навечерїе праздника, блаженному же не имущу милостыня, что дати имъ, и о семъ благодаря и моляше Господу Богу и Пречистой Его Матери и преподобному Антонїю Великому не презрѣти моленїя его, но послати милость свою на братїю свою—на нищихъ. Утру же бывшу, освитающу дню, прїиде отъ самодержавнаго государя великаго князя Василїя Ивановича всея Русїи посланикъ и подастъ святому отъ государя повелѣнная молити Бога и Пречистую Его Матерь и великихъ чудотворцовъ о его здравїи и о его великой княгини Елене и милостыню вдасть двадесать рублевъ съ рублемъ. Блаженный же сїя прїемъ и благодаряше Бога и Пречистую Его Матерь и преподобнаго Антонїя Великаго, не презрящу моленїе его, и молебная сотвори за государя и милостынею нищихъ обдѣли съ любовїю, яко отъ Бога посланная ихъ ради. Мы же сїе видѣхомъ скорое Божїе посѣщенїе и неуклонную святого вѣру и прославиномъ Бога и сїе писавїю предахомъ.

О гладу. Некогда же гладу превелику належашу на Вологде и въ предѣлахъ вологодскихъ, толма дорого цѣниша рожь по рублю четверть и свыше, но и тою великою цѣною едва обрѣтаху купити. И въ то гладное время мнози прихожаху отъ многихъ странъ въ домъ Пречистыя страннїи и нищїи и окрестъ ту живущїи удручимыи отъ глада того превеликаго. Отецъ же нашъ Корнїлїе всѣмъ подаваше безъ скудѣнїя пищу и милостыню по вся дни; и мнози приношаху младенца своя и помѣтаху подъ стѣнами монастыря. Святыи же всѣхъ прїемля и отсылалаше къ дѣтемъ на дворецъ и тамо учрежаху ихъ покоемъ всякимъ. И въ то нужное время Пречистыя обитель не оскудѣваше, наипаче множашеся потребныхъ въ монастыри молитвами Пречистыя Богородица и преподобнаго Антонїя и отца нашего Корнїлїя.

О видѣнїи святого. Память творящу блаженному Корнїлїю преподобнаго Антонїя Великаго, нищихъ множество собравшихся и по обычаю ему дѣлящу ихъ милостынею своею рукою по просфире и по дензѣ, къ симъ же хлѣбъ и колачи, ивѣии же отъ нищихъ не единою, но и вторицею взимаху, ивъ же и до пяти кратъ взять. Святому же Корнїлїю не зрящу на лица, но токмо руку простершему даяше; приставница же, видѣвши взявшихъ множае, повѣдаша блаженному. Онъ же глаголаше: „не дѣйте ихъ, того бо ради пришли“. Дню же къ вечеру преклонявшуся и по соборномъ цѣнїи въ вечеръ глубоко стоящу святому на обычномъ своемъ правилѣ, и сѣдѣ на лавицы мало ногамъ опочивути и сведенъ бысть въ сонъ тонокъ и зрять пришедша къ нему старца святотѣпна, сѣди-

ученіи братіи преп. Корнилій распоряжается, чтобы въ день его памяти кормили нищихъ остатками отъ братской трапезы: „да егда творите память мою, и оставшая останцы братскія трапезы сія подавайте братіи Христовѣ—нищимъ“¹⁾.

Уставъ этого подвижника предполагаетъ благотворительность монастыря, какъ его обязательное дѣло. Запрещая самовольную милостыню каждому частному иноку, чтобы подъ этимъ предлогомъ не нарушалась строгость общежитія, преп. Корнилій предписываетъ трудящимся все сработанное сносить въ казну,—„ниже въ милостыню даютъ“, „милостыня бо въ монастырь и нищелюбство обща суть“²⁾.

Преп. Данилъ Переславскій († 1540), постриженникъ боровской обители, также усердный благотворитель. Онъ былъ духовнымъ отцемъ мірянъ и успѣшно дѣйствовалъ снисходительнымъ обращеніемъ съ грѣшниками, „благимъ и мило-

---

нами украшена, во образѣ Антонія Великаго и емеше его за руку и рече: „Корн(ил)іе, гряди ко мнѣ!“ и изведе его на нѣкое поле равно и показа ему на единой странѣ поля просфiry, а на друзѣй колачи и рече ему: „се твои просфiry и колачи, иже дасть еси нищимъ; прости одѣянiя своя“. Ему же простершу и нача класти въ приполь просфiry и колачи, дондеже начаша пресыпаться отъ преисполненiя. Онъ же возбнувъ и въ себѣ быхъ и дивляхся чудному видѣнiю. И заповѣда намъ, говорить жизнеописатель современникъ святого, нетокмо при своемъ животѣ творити милостыню неоскудно нищимъ, но и по своемъ преставленiи. Мы же написахомъ сія памяти ради, аще будетъ Богу угодно житіе старца Корнилія, да и сія незабвена буди“. (Житіе, ркп. Тр. Лавр. В.—ки № 676, л. 520 об.—522 об.).

1) Тамъ же, л. 537. Жизнеописатель приводитъ стереотипную характеристику подвижника какъ благотворителя: „бѣше же нагимъ одежда, печальнымъ утѣшеніе, бѣднымъ помогаа“ и т. д.—ту характеристику, которую мы видѣли уже въ житіяхъ Димитрія Прилуцкаго, Евѣмiя Суздальскаго, и Григорія Пельшемскаго. Въ похвальному словѣ преп. Корнилію читаемъ: „Радуйся милостивый, странволюбивый Корниліе, малыми убо брашны во время гладное многъ народъ во своей обители препитать еси, а брашна наишаче множахуся молитвами твоими“.

2) Тамъ же, л. 558. Ист. Росс. Іерарх. IV, 683, гл. 5. Новопоступившему въ монастырь дается такое предписаніе: „а въ монастыри живущимъ братіямъ никому ничего въ любовь не даетъ, ниже мірскимъ, ни въ милостыню страннымъ, иже покупаетъ кому что“, стр. 702—703, гл. 14. Въ главѣ 12 преподобный запрещаетъ каждому иноку въ частности принимать отъ мірянъ милостыню: „ниже милостыню кому себѣ, или ино что отъ кого пріимати или самъмъ творити (т. е. милостыню), но вся обща бывають“, стр. 697.

стивымъ разсужденіемъ увѣщавая“¹⁾. Далѣе въ житіи говорится: „Странни же, приходящи въ монастырь той, покой у него въ келіи пріимаху. Умершихъ же различными бѣдами и поверженныхъ звѣремъ на свѣденіе и сихъ на рамѣ своемъ взимае и въ божедомской гробницѣ полагае съ подобающимъ пѣніемъ и божественную литургію служаше за оныхъ“²⁾. Погребеніе умершихъ безвѣстною смертію было главнымъ видомъ благотворительныхъ заботъ переславскаго подвижника. На мѣстѣ „божедомской гробницы“ для поминовенія усопшихъ онъ поставилъ сначала церковь, а потомъ открылъ здѣсь и свой монастырь. Второй его подвигъ—это уходъ за больными. „Нѣкогда же видѣ въ монастыря три мужи клосны (увѣчные) и болѣзнены вельми у ограды повержены, ихже повелѣ взять въ монастырь и покоити ихъ. Мнози же вѣдуще нищелюбіе, и приношаху *нужныхъ (несчастныхъ) челоувѣкъ и болѣзненныхъ и отъ звѣрей уязвляемыхъ, убожества же ради немощицхъ, чимъ питати ихъ ни врачевати, и сихъ поверзаху у монастыря. Онъ же съ радостію взимае ихъ въ монастырь препитая, и врачевати велаше*“³⁾. Такимъ образомъ не будетъ большою неточностію сказать, что монастырь преп. Даніила превратился въ больницу и богадѣльню. Случился голодъ въ переславскихъ предѣлахъ. Хлѣба стало мало даже на торгу. Въ обители преп. Даніила было тогда немало братіи „и мірянъ довольно“ и потому монастырскіе запасы быстро истощились. Преподобному донесли, что муки мало, не хватитъ на недѣлю, а до новаго хлѣба оставалось еще около восьми мѣсяцевъ. Подвижникъ „самъ прииде къ житницѣ и видѣ муки мало, вѣщше тріехъ оковъ“⁴⁾. И тогда прииде къ нему вдовица убога и хотяше умерети отъ глада и съ чады своими. Святыи же наполни мѣшець муки

1) Къ нему же мнози приходяху не токмо иноци но и мирстии, вельможи же и простии, мужіе и жены, вси отъ него душевныя ползы требующе получитьи, мнози же и грѣхи своя исповѣдающе ему. Онъ же благимъ и милостивымъ разсужденіемъ отъ грѣха престати увѣщавая и покаяніемъ исправляя и къ Божіи любви присвояя. И вси послушаху его въ сладость. *Сборникъ XVІІІ в. Поморскаго письма, принадлежащій проф. В. О. Ключевскому, л. 276 об.—277.*

2) Тамъ же, л. 277.

3) Тамъ же, л. 281 и об.

4) Оковъ, мѣра сыпучихъ тѣлъ—четвертая часть бочки или кади.

и отпусти ю. И повелѣ келарю останкомъ муки тоя приходящихъ ту алчныхъ и жадныхъ насыщати. И бысть тако: питахужеса въ монастыри и въ селѣ ихъ людіе останкомъ тѣмъ и до новаго хлѣба неоскудно благодатію Божіею и молитвами преподобнаго Даниїла“¹⁾.

Итакъ подвижники іосифлянскаго направленія служили современному русскому міру главнымъ образомъ вѣншей благотворительностью, потомъ духовничествомъ, которое у нихъ сводилось часто къ покаяльной дисциплинѣ, къ епитиміи, рѣже печалованіемъ (Іосифъ), еще рѣже обличеніемъ неправды (отчасти Пафнутій). Заволжскіе подвижники или бѣлоозерскіе старцы неизвѣстны своей благотворительной дѣятельностью. И понятно: въ ихъ пустынныхъ скитахъ и отдѣльныхъ лѣсныхъ кельяхъ не было средствъ для этого: среди нихъ, какъ исключеніе едвали не единичное, былъ богатый иннокъ—князь Вассіанъ Патрикѣевъ. За то они превосходили іосифлянъ въ сферѣ духовнаго, нравственно-учительнаго служенія міру. Преп. Пафнутій отличался безусловной прямою въ обращеніи съ властями; Іосифъ уже близокъ къ великому князю и опирается на помощь державнаго въ своемъ извѣстномъ столкновеніи съ мѣстнымъ княземъ, а потомъ и съ своимъ епархіальнымъ новгородскимъ владыкой; а его преемникъ по игуменству Даниїль челоукоугодничаетъ, будучи митрополитомъ онъ дозволяетъ Василию III разводъ съ бесплодною женою и новый бракъ. Изъ заволжскихъ пустынь вышла протестъ противъ этого беззаконія. Митр. Даниїла справедливо упрекали за то, что онъ „ни о комъ не печалуется“. Епископы времени неистовствъ Грознаго, принадлежавшіе къ іосифлянамъ, судившіе св. Филиппа, очевидно уже не считали печалованіе своею нравственной обязанностью и не пользовались этимъ опаснымъ правомъ. Но конечно это не подвижники. Между тѣмъ заволжская партія выставила цѣлый рядъ обличителей—печаловниковъ. Преп. Мартиніанъ, неболезненно обличавшій своего духовнаго сына Василя Темнаго, печалуюсь за опальнаго боярина, былъ бѣлоозерецъ, ученикъ преп. Кирилла. Бѣлоозерскіе старцы ходатайствуютъ за жидовствующихъ, по крайней мѣрѣ за принесшихъ покаяніе.

¹⁾ Тамъ же, л. 280 и об.

„И старецъ князь Васьянъ (Патрикѣевъ) повѣрилъ имъ и учалъ за нихъ печаловатися великому князю (Ивану III), а съ нимъ и отъ владыкъ и отъ старцовъ начаша печаловатися“¹⁾. Игумень Порфирій, заволжскій пустынникъ, насильно поставленный Василиемъ III въ троицкіе игумены, печалуется предъ нимъ за вѣроломно схваченнаго Новгородъ — Сѣверскаго князя Василя Шемячича, послѣдняго удѣльнаго князя на Руси, умершаго въ Московской темницѣ. Великій князь не послушалъ смѣлаго обличителя — печаловника, прогнѣвался и лишилъ Порфирія игуменства. А тотъ, отрясши прахъ отъ ногъ своихъ, въ бѣдной одеждѣ и пѣшкомъ отправился изъ великой лавры въ свою вожделѣнную пустыню за Волгу²⁾. Теодоритъ, постриженникъ соловецкій, одно время подвизавшійся въ Кирилловѣ монастырѣ и въ Порфиріевой пустыни, печаловался передъ Грознымъ за бѣжавшаго въ Литву князя Курбскаго — своего духовнаго сына, но, разумѣется, безъ успѣха³⁾. Изъ заволж-

1) „Письмо о нелюбкахъ“. А. В. Горскаго, Отношенія иноковъ Кириллова Бѣлоозерскаго и Юсыфова Волоколамскаго монастырей, въ XVI в. Приб. къ Твор., X, 506.

2) Курбскій, Сказанія, изд. 2-ое 127—128. Ср. Соловьевъ, Исторія, 1 изд. Общ. Пользы, I, кн. 1648—1650.

3) Курбскій, 126—127: 140—141. Курбскій не знаетъ, какъ умеръ его заступникъ духовный отецъ: отъ однихъ онъ слышалъ, что Грозный велѣлъ его утопить въ рѣкѣ, другіе говорили, что преподобный почилъ „тихою и спокойною смертію о Господѣ“.

О печалованіи можно читать въ изслѣдованіи Яковскаго, Печалованіе духовенства за опальныхъ, Ч. О. И. и Др. 1876, I: въ Курскѣ церковнаго права А. С. Павлова, 501—502: особенно обстоятельно въ диссертациі В. Маликина, Старецъ Филовей и его посланія, гл. VIII, 682 слѣд. Этотъ старецъ Филовей, постриженникъ общежительнаго монастыря Евфросіина Псковскаго, былъ отшельникъ или затворникъ по роду подвижничества — „неисходенъ бѣ изъ монастыря“. Но по своимъ извѣстнымъ религіозно-политическимъ воззрѣніямъ онъ былъ сторонникомъ Москвы; однако, кажется, стоялъ внѣ спора тогдашнихъ монашескихъ партій. При его жизни случилось паденіе Псковской вольности. Московскіе намѣстники, управляя Псковомъ, много проявили неправды и насилванія. Нѣкоторые псковичи просятъ старца печаловаться за родной городъ предъ великимъ княземъ Василиемъ. „Филовей добродѣтельнаго ради житія и премудрости словесъ знаемъ бѣ великому князю и вельможамъ“. Сначала изъ смиренія старецъ отказывается. „Но послѣди много показа дерзновенія къ государю и моленія о людехъ, также и бояромъ и намѣстникомъ псковскимъ и обличи ихъ о многой неправдѣ и насилваніи, не убоясь смерти. Великій

скихъ пустынь выходили миссіонеры, какъ сейчасъ названный Феодоритъ, просвѣтитель лопарей, защитники православія, какъ осужденный старецъ Артемій, боровшійся въ Литвѣ вмѣстѣ съ Курбскимъ съ протестанствомъ. Но не слѣдуетъ забывать, что здѣсь же, въ заволжскихъ пустыняхъ, развивалось религіозное вольномысліе и ереси находили сочувствіе. Въ половинѣ XVI в. господствовавшая въ церкви монашеская партія, считавшая въ своихъ рядахъ большинство русскихъ архіереевъ, искоренила бѣлоозерцевъ, какъ партію еретическую, разрушила такъ сказать ихъ пустынный заволжскій гнѣзда. Въ 1585 въ Рождество Христова за праздничнымъ столомъ у царя Феодора произошла ссора двухъ владыкъ. Евѣимій ростовскій не далъ ѣсть съ своего блюда рязанскому Леониду и „конечно позоровалъ“ его, называлъ его партію: „не осифляны но жидовляны“. Эти „навѣтныя и напасныя слова“, кажется, заволжскаго постриженника, да челобитная обиженнаго іосифлянина—послѣдній откликъ сложной и горячей борьбы двухъ монашескихъ партій ¹⁾).

Въ заключеніе приведемъ примѣръ отшельника-учителя народа, иноческіе идеалы котораго совпадаютъ съ идеалами Нила Сорскаго, если только не идутъ дальше ихъ. Это преп. *Филиппъ Иранскій* († 1537 г.), постриженникъ Корнелія Комельскаго. Онъ ушелъ изъ монастыря, чтобы „безмолвствовати единственно“, вырылъ въ рѣчномъ берегу „вертепецъ“ для жилья и поставилъ часовню для молитвы „и ту нача жителствовати и молитвы Господу приносить о спасеніи своемъ“. Въ строгомъ уединеніи—„единъ единственно“ подвижникъ провелъ 15 годовъ и только за пять лѣтъ до смерти ради тѣлесныхъ недуговъ своихъ принялъ къ себѣ сожителя. Народъ скоро узналъ мѣсто его подвиговъ и собирался толпами для поученій и молитвы. Часовня превратилась въ храмъ, вмѣсто вертепца выстроилась келья. Святой поучаетъ мірянъ и излагаетъ ихъ мірскія добродѣтели.

же князь и вельможи вѣдуше его дерзость и беспопечевіе о семь вѣцѣ, не смѣша ничтоже ему зла сотворити“ (Тамже, Прилож. стр. 25). Намѣстники во Псковѣ были смѣщены; (ср. *И. С. Р. Л.* IV, 287—289).

¹⁾ *Акты Истор.* I, № 216, стр. 410—411. Челобитная царю рязанскаго еп. Леонида на ростовскаго архіеп. Евѣимія.

Осуждая семейные раздоры, онъ проповѣдуетъ миролюбіе,— любовь родителей къ дѣтямъ, почтеніе дѣтей къ родителямъ. Прищая жестокосердіе, предписываетъ расположеніе къ нищимъ и убогимъ, — „самъ Господь Богъ, изволивый нищелюбіе взыскати и любити е“. Вѣроятно предъ мірянами же и особенно предъ посѣтителями иноками излагалъ отшельникъ свои монашескіе идеалы. Иночество выше царства, иноку предлежитъ ангельская слава. „Но жестоко и прискорбно иго иноческаго житія“ и немногіе несутъ его. Три главныхъ добродѣтели преп. Филиппъ считалъ обязательными для инока: „нестяжаніе и еже поститися зѣло и бдѣти много“, т. е. нищету, постъ и молитву. Сильно порицаетъ пустынный стяжательное и омірщившееся монашество своего времени. „Погубили мы ангельское житіе; много ясти и пити или одѣятися можемъ, поститися же не можемъ и смиренно мудрствовать“. „Отцы наши искаху пустыни и скорби, мы же ищемъ градовъ и покоя и пищи многія“. „Днесъ въ насъ есть любоиманіе и презорство (стяжательность и гордость). Отцы наши лица своя рѣдко умываху, мы же бани и покоя взыскуемъ“. „Монастырь—постникъ, а не купецъ“. „Бѣжимъ, братіе, матери всѣхъ злыхъ—сребролюбія и мірскія клеветы и зависти“. Другая опасность для монаха отъ міра и нисколько не меньшая — женщина. „Соль отъ воды есть: аще прикоснется водѣ растаетъ и невидима бываетъ. Такожде и мнихъ отъ жены есть: аще прикоснется женѣ, растлится и въ небытіе бываетъ, сирѣчь умираетъ душею и погибаетъ яко прахъ“¹⁾.

Этимъ примѣромъ полнаго отшельничества, дальше котораго едвали простиралось древне-русское анахоретство— „молчащихъ чинъ“ и „неисходное жительство“, мы и заканчиваемъ свою историческую справку. Читатель видитъ, что ее мы не довели до новой исторіи, до конца XVII в. а вмѣстѣ и до конца древней Руси; да и на пространствѣ отъ XI в. до пол. XVI пропустили много святыхъ именъ, не обозрѣли цѣ-

¹⁾ *Житіе преп. Филиппа Иранскаго*, изд. В. О. Ключевскимъ въ Памят. Др. П., особ. 27—31, 40—44, 47, 57, 58. Пользовались мы и только что напечатанной статьей Н. Успенскаго, *Отшельникъ—учитель народа XVI в. Христ. Чит.* 1903 г. февраль и мартъ.

лый рядъ житій. Это конечно правда: авторъ сдѣлалъ только что успѣлъ. Но онъ собралъ и изложилъ здѣсь *главное*. Половиной XVI в. собственно кончается исторія древне-русскаго монашества. Слѣдующіе полтора вѣка прибавили рядъ подвижническихъ именъ, но не дали новыхъ общихъ явленій. А на пространствѣ взятаго періода авторъ останавливался на главныхъ моментахъ въ исторіи русскаго монашества: не пропустилъ ни Θεодосія Печерскаго, ни Сергія Радонежскаго, ни Іосифа Волоколамскаго, не умолчалъ и о Нилѣ Сорскомъ.

На какихъ же сторонахъ своей жизни древне-русскій міръ видѣлъ помощь изъ святыхъ обителей, отъ преподобныхъ, просіявшихъ въ Русской землѣ? Да на всѣхъ рѣшительно. На религіозно-нравственной — въ молитвѣ, учительствѣ, духовничествѣ и миссіонерствѣ подвижниковъ, на соціальной и политической — въ печалованіи за осужденныхъ, въ обличеніи насильниковъ и миротворчествѣ враждующихъ князей; на экономической — въ монастырской благотворительности разныхъ видовъ. Общежители, или пустынножители — русскіе подвижники всѣ несли службу міру, кто какую могъ, то учительнымъ словомъ къ темному народу, то всенароднымъ обличеніемъ московскаго самодержца, то кускомъ хлѣба умирающему ребенку, оставленному подъ монастырской стѣной своими голодными родителями, то прокормленіемъ цѣлыхъ тысячъ голодающаго народа, то уходомъ за больными и увѣчными бѣдняками и устройствомъ для нихъ богадѣленъ при монастыряхъ.

Теперь намъ остается изъ своей исторической справки сдѣлать только выводы въ примѣненіи къ современной полемикѣ о монашествѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

С. Смирновъ.
